

Оплата труда в России

(Исторический очерк)

История труда в России стала привлекать к себе внимание исследователей только после Октябрьской революции и до сих пор не может похвастаться большими достижениями. Особенно слабо разработан древнейший период. А между тем при изучении динамики заработной платы и производительности труда ограничиться лишь вполне освещенным статистически периодом за два-три последних десятилетия совершенно невозможно. Лишь оперируя большими периодами в сотни лет, можно выявить в этом отношении закономерности исторического значения, очищенные от случайных колебаний конъюнктурного характера.

Не располагая временем для большого исторического исследования в этой области, мы все же хотели бы привлечь несколько крайне показательных фактов и цифр из нашей исторической древности для сопоставления их с показателями текущей современности. Вступая в социалистический этап хозяйственного развития, мы прежде всего должны дать себе отчет, какую эволюцию проделал уровень оплаты и производительности труда за весь период капиталистического развития России, т. е., примерно с XVII в. до Октябрьской революции. Но не худо заглянуть хотя бы мельком и в докапиталистический период «простого товарного производства», поскольку он поддается освещению дошедшими до нас весьма скудными историческими памятниками, начиная с «Русской правды» (X—XII века).

Никакого непрерывного динамического ряда за такой большой период мы к сожалению получить не можем. Но ограничиваясь даже только двумя крайними опорными пунктами в прошлом (XII и XVII в.), мы получим достаточную картину тех сдвигов в области экономики труда, какие имели место на протяжении целых эпох — докапиталистического и капиталистического развития нашей страны.

Начнем с эпохи «Русской правды».

1. Эпоха „Русской правды“

В X—XII веках на Руси господствующим был конечно натуральный уклад хозяйства. Все производилось для себя и лишь избытки поступали на продажу. Однако в городах мы уже в эти века наблюдаем широкое развитие торговли и ремесла. Некоторые виды ремесленного труда, например строителей, мы находим уже в XI веке организованными в производственные артели. В «Сказании о Борисе и Глебе» кн. Изяслав (1054—1078 гг.), желая построить церковь, при-

зывает для этого «старейшину древоделям», а старейшина, договорившись с князем, «собрав вся сущая под ним древоделя» и строит с ними заказанную церковь¹. Эти ремесленники (древянные здатели, древоделы, плотники, городники, мостники и т. п.) уже в то время работали по найму. И до нас дошли вполне определенные указания о нормах оплаты их труда.

По сохранившемуся историческому преданию, когда Ярослав Мудрый (жил до 1054 г.) решил строить Георгиевскую церковь в Киеве (около 1051 г.), то вначале не нашел достаточно строителей. Князь спросил: от чего мало делателей? Ему ответили: люди боятся, что лишены будут платы. Тогда князь приказал возить куны на телегах к месту стройки и объявить на торгу, что каждый получит за труд по ногате на день².

Этот рассказ не оставляет сомнений, что дело здесь шло о вольном поденном найме.

Известны однако тому же веку были и сдельные формы оплаты наемного труда.

В «Русской правде», открытой под 1016 г., мы находим такое место. За статьей «О поконе вирном», определяющей, сколько вирнику следовало взять деньгами и натурой при исполнении своих обязанностей, следует ссылка «То ти урок Ярославль». А за ней читаем: «А сей урок мостником: аще помостивше мост, взяти от дела ногата, а от городники ногата»³.

За крайней лаконичностью этой древнейшей редакции не сразу ясно, что здесь дело идет о норме оплаты дневного урока мостника. Но в сопоставлении с вышеприведенным распоряжением того же Ярослава об оплате строителей Георгиевской церкви в Киеве по ногате в день видно, что это отнюдь не случайная для того времени норма.

В другой более пространной редакции «Русской правды» определяется и самый размер сдельного урока мостника: «Мостнику, помостившему мост, взяти ему от дела, от 10 локоть, по ногате»⁴. Таким образом за одну ногату в день нужно было замостить 10 локтей, т. е. примерно около 6,35 аршина помоста⁵. Такая часть или звено помоста называлась также повидимому городней. В связи с этим еще в одной редакции той же статьи читаем:

«А се мостнику уроци: помостивше мост, взяти от 10 локоть по ногате; аже починить моста ветхого, то колико городень починить, то взяти ему по куне от городне, а мостнику ехати самому с отроком на дву коню, взяти 10 локна овса на неделю, а ести, что м о ж е т а» (синодальный список).

¹ Н. Аристов, Промышленность древней Руси. СПб., 1866 г., стр. 87.

² Макарий. История русской церкви. СПб., 1857 г., т. I, гл. II, стр. 45.

³ См. В. Сергеевич, Русская правда в 4 редакциях. СПб., 1904 г., ст. 7, стр. 25 по археографическому списку.

⁴ Карамзинский список, ст. 109.

⁵ Старинный русский локоть = около 10²/₃ вершков, см. «Торговую книгу» (1575—1610 гг.) СПб., 1851 г., стр. 12. 2 аршина будет 3 локтя.

Если стало-быть за новый мост платили по ногате от каждой городни, то за починку старого — только по куне, т. е. по 0,4 ногаты. Очевидно за день починить можно было 2-3 городни. Здесь важно однако отметить, что на эту работу приходилось выходить конному и что сверх денежной платы мостнику и его лошади в этом случае полагался бесплатный прокорм в течение всей работы. О том, что именно входило в содержание кормовой доли ремесленника тех времен, можно судить по следующей статье «Русской правды» того же синодального списка.

«А се уроци городнику: закладающе городья, куна взяти, а кончавши ногата; а за корм и за вологу, и за мясо, и за рыбы — 7 кун на неделю, 7 хлебов, 7 убороков пшена, 7 лукон овса на 4 кони; имати же ему донеле город срубить; а солоду дадят ему едину 10 лукон».

Городник выезжал на работу, судя по числу коней повидимому сам-четверт. За каждую городню (или звено) деньгами он получал 1 ногату и 1 куну, т. е. по 3,5 куны, а сверх того на прокорм деньгами или натурой: хлеб, мясо, рыбу, пшено и солод (на пиво или брагу). Плак — довольно обильный.

Для оценки простого сельского труда в «Русской правде» имеется только одно указание в статье «О сиротьем вырядке» по карамзинскому списку¹. Из этой статьи явствует, что батрачка в деревне получала в XII веке по гривне на лето, на хозяйских харчах и прочем содержании, разумеется.

Все эти скудные сведения не говорят нам еще ровно ничего об уровне жизни наемника той эпохи, пока нам неизвестна покупательная сила денежной единицы времен «Русской правды».

* * *

В древней Руси понятие гривна употреблялось в качестве названия единицы веса (гривна золота, гривна серебра) и в качестве денежной единицы (гривна кунами). До сих пор среди исследователей нет полного единства в определении точного значения этой единицы.

В качестве единицы веса, по Кауфману, наша гривна ведет свое начало через арабский восток от древневавилонской мины². Эта единица монетного веса, т. е. древняя мина, а затем иракский ротль определяется ныне в 409,32 г, т. е. почти в точности равняется современному русскому фунту (409,51 г). Кроме того мы знаем, что из ротля чеканилось 96 арабских золотых динаров, которые, как видно из содержания многих южнорусских кладов, хорошо были известны нашей домонгольской Руси. Вместе с тем известно, что сохранившиеся русские золотые монеты Владимира и Ярослава Мудрого (до

¹ „А жонка с дчерью, тем страды на 12 лет, по гривне за лето, 20 гривен и 4 гривны кунами“.

² И. И. Кауфман, Русский вес, его развитие и происхождение в связи с историей русских денежных систем с древнейших времен, СПб., 1906 г.

1054 г.) по своему весу не отличаются от арабских динаров. От этих золотых или «златниц» очевидно и ведет свое начало наш золотник, составляющий $\frac{1}{96}$ фунта. В связи с этим Кауфман полагает, что древняя гривна в качестве весовой единицы уже в домонгольский период равнялась нынешним 96 золотникам и стало-быть является прямой родоначальницей современного русского фунта.

Однако не следует забывать, что древняя мина в 96 золотников, или динаров, употреблялась только для взвешивания золота. Для взвешивания более дешевого серебра на Востоке употреблялась более крупная мина в 128 золотников, из которой чеканилось 192 серебряных диргема в $\frac{2}{3}$ золотника каждый. К этому можно добавить, что и на Руси серебро Владимира «Святого» и Святополка Окаянного (умер в 1112 г.) чеканилось по образцу диргем в $\frac{2}{3}$ золотника¹. А значительно позже из «Торговой книги» (1575—1610 гг.) узнаем кстати, что у нас на Руси имели хождение тоже две различные единицы веса: «старый, бухарский ансырь» в $\frac{1}{3}$ фунта, или 128 золотников, и «нынешний», равный современному фунту в 96 зол., или 409,5 г.

Восточное происхождение этих единиц веса ясно уже из их названия, а весовое выражение (96 и 128 золотн.) вполне тождественно с тем, что нам известно о весе различных разновидностей древней мины. Весьма вероятно поэтому, что и в домонгольской Руси были известны одновременно две гривны: гривна серебра — в 192 серебряника (диргема) и гривна золота в 96 златниц (динаров), отнюдь не равные, несмотря на их одноименность, друг другу. А затем одна из них постепенно вышла из употребления («старый ансырь» «Торговой книги»), а другая дошла до наших дней под немецким названием фунта².

В денежном значении гривна повидимому всегда была только счетной единицей, ибо столь крупных монет ни в золоте, ни в серебре до нас не дошло. В качестве же счетной единицы домонгольская гривна кунной системы определяется нами на основе следующих фактов. В эпоху «Русской правды» фактическое обращение в роли ходячей монеты имели повидимому только ногата, куна и резана. На одну гривну кунами считалось 20 ногат, или 50 резан. Меновое значение гривны кун и в наиболее ранних и в позднейших списках «Русской правды» повидимому везде одно и то же. Во всех исправных ее списках гривна приравнивается по таксе 1 волу, или 10 телятам, или 20 баранам и т. д. Точно так же постоянной величиной по всем спискам является и стоимость ногаты («а за боран ногата»). Что же касается куны, то в более древних списках (акад. и археогр.) куна фигурирует на ряду с резаной, но расценивается вдвое выше,

¹ Там же, стр. 86: 103 серебряника Владимира весят 6.525 долей, по 63,85 долей каждый, 28 монет Святополка дают средний вес 63,5 доли, т. е. почти $\frac{2}{3}$ золотника.

² Мнение Прозоровского, Ключевского и др., которые определяют фунт XVI—XVII веков в 112 нынешних золотников, мы считаем опровергнутым позднейшей работой И. И. Кауфмана.

а в новейших (синодальный, троцкий, карамзинский, Оболенского и т. п.) куна обесценивается вдвое и повсюду замещает собою резану, которая, как известно из других источников, начиная с XIII в., вовсе выходит из употребления. Отсюда заключаем, что вначале гривна делилась на 25 кун и лишь вследствие обесценения последней вдвое стала к XIII в. равняться 50 кунам¹.

Таким образом в X-XI веках гривна-куна равнялась 20 ногатам, 25 кунам, или 50 резанам. Куны, как явствует уже из их названия, представляли повидимому первоначально шкурки куниц, выполнявшие в древности назначение ходячей монеты. Но современным слово «куна» стало употребляться в более общем смысле денежной единицы, и в качестве таковой могла выражаться и в шкурках разных зверей и в серебре. В отношении происхождения слов «ногата» и «резана» до сих пор нет общепринятого объяснения. Однако мне кажется, что достаточно оба эти термина сопоставить друг с другом, чтобы найти искомое объяснение. И ногата и резана на мой взгляд выполняли свою роль денежных единиц в качестве звериных шкурок различной ценности. Причем «резаной» называлась неполноценная шкурка с обрезанными лапками, а «ногатой» в противоположность этому — цельная шкурка со всеми ее конечностями. Один исследователь отверг последнюю догадку на том основании, что у соболей, куниц или белок конечности называются лапками, а не ногами, и предпочел на этом основании рассматривать слово «ногата» как иностранное, заимствованное с Востока. Однако наши предки были не столь уж строги в области филологических тонкостей². Лапки соболиные и прочие они с совершенно спокойной совестью называли «ногами» и обрезали их обычно, искусно сшивая из лапок и т. п. обрезков целые меха для менее притязательных покупателей³. Но именно поэтому отличать «резаную» шкуру от «ногатой» у них были все основания.

На ряду с пушниной однако уже с X века у нас появляется в денежном обороте и серебряная монета. Спрашивается, какую же из вышеназванных денежных единиц представляли дошедшие до нас серебряники Владимира и Святополка, весившие около $\frac{2}{3}$ золотника. Мы принимаем их за резану, т. е. $\frac{1}{50}$ долю гривны кун, откуда эта последняя определяется в 32 золотника, т. е. в $\frac{1}{3}$ нового, или $\frac{1}{4}$ «ста-

¹ Впрочем у Аристова („Промышл. древней Руси“. СПб., 1866 г., стр. 233) есть указание, что и в XIII в. новгородские куны были вдвое меньше смоленских; таким образом возможно, что различная расценка кун в разных списках объясняется различным их географическим происхождением, а не большей или меньшей древностью.

² Так например Иван III в конце XV в. сообщал своей дочери Елене в Литву: „Приказывала ты еще, чтобы прислать тебе соболя черного с ногами передними и задними и с когтями; но смерды, которые соболей ловят, ноги у них отрезают...“. С. Соловьев, История России, т. I—V, СПб. Изд. 3-е, стр. 1479.

³ Кроме лапчатых на древнерусском рынке обращались также составные меха лупковые, черевьи, хребтовые и т. д.— А. И. Никитский. История эконом. быта Вел. Новгорода, М., 1893 г., стр. 165.

рого» монетного фунта, известного еще в XVI в. под именем бухарского ансыря.

Это допущение вполне подтверждается следующим свидетельством памятников того времени. В договорах русских с греками, Олега от 911 г. (ст. 5) и Игоря от 945 г. (ст. 14), установлен тариф за побои или рану в 5 литр серебра «по закону русскому». Соответствующая статья «Русской правды» (ст. 3, акад. сп.) определяет этот штраф в русской валюте в 12 гривен. По вполне удостоверенным данным нумизматики византийская литра и соответствующая ей римская либра тех времен равны 327,4 г, или $\frac{4}{5}$ фунта, т. е. 77 наших золотников¹. Отсюда 5 литр = 385 золотникам, а 1 гривна кун X века = $385 : 12 = 32$ золотника, т. е. ровно $\frac{1}{3}$ нынешнего фунта, или $\frac{1}{4}$ старого ансыря².

Сопоставляя «Русскую правду» с мирной новгородской грамотой 1195 г. и договором г. Смоленска с немецкими городами от 1229 г., мы можем установить далее следующие факты. Виры и продажи, известные нам по «Русской правде», в договоре 1229 г. выражены в гривнах серебра, т. е. весом, а не монетою. При этом двойная вира «Русской правды» за голову в 80 гривен кунами в договоре 1229 г. выражается суммой в 20 «гривен серебра», простая вира — в 40 гривен кун приравнивается 10 гривнам серебра, штраф за побои в 3 гривны кун оценивается здесь в «три четверти серебра» или по другой редакции «без четверти гривна серебра» и т. д. Вполне понятно, что в торговых сношениях с иностранцами весовая гривна серебра была более подходящей единицей счета, чем любая монетная, ибо в связи с широко распространенной порчей монеты в международных отношениях ее все равно принимали в уплату обычно только на вес. Но для нас важно установить из этих соотношений, что гривна серебра 1229 г. равнялась ровно четырем гривнам кун «Русской правды»³. Это соотношение подтверждается и вирами мирной новгородской грамоты 1195 г. Здесь тоже двойная вира выражается суммой в 20, а простая — в 10 гривен серебра, но на ряду с этим в других статьях мы встречаемся здесь также с вирой в «40 гривен в ет х и м и кунами»⁴. Отсюда заключаем, что к концу XII в. денежный счет «Рус-

¹ И. И. Кауфман, Русский вес..., стр. 71.

² Ср. у П. Мрочек-Дроздовского, Опыт исследов. источников по вопросу о деньгах Русск. правды, след. догадку: „Найденные в 1826 г. в Киеве слитки в $\frac{1}{3}$ (почти) фунта суть киевские гривны кун“. (Ученые записки моск. унив. М., 1881 г., вып. II, стр. 80).

³ См. М. Владимировский-Буданов, Христоматия по истории русского права, вып. I, изд. 6-е, 1908 г., стр. 97 и след.

⁴ Там же, стр. 93—96. Первые указания на появление в обороте „новых кун“ относятся еще к 1137 и 1224 гг. (см. П. Мрочек-Дроздовский. Опыт исследования источников по вопросу о деньгах Рус. правды, — Учен. записки моск. унив., изд. юрид., вып. II, М., 1881 г., стр. 24. Но возможно, что эти указания отмечают лишь время перехода от более крупной куны в $\frac{1}{25}$ счетной гривны к более мелкой в $\frac{1}{50}$ той же гривны.

ской правды» хотя и выходил из употребления, но отнюдь еще не был забыт.

Таким образом можно считать, что в X—XII веках гривна кун «Русской правды» в 32 золотника составляла не $\frac{1}{3}$, а $\frac{1}{4}$ весовой гривны серебра, и стало-быть тогдашняя гривна серебра весила на нашу нынешнюю меру не 96, а 128 золотников, или 545,7 г.

В XIII в. старая гривна кун в 32 золотника повидимому уже вышла из употребления. В договоре Новгорода с немецкими городами 1270 г., дошедшем до нас только в древнегерманском переводе, гривны именуется «марками» серебра и марками кун. Но из сопоставления с договорами 1195 и 1229 гг. легко установить, что весовая марка серебра 1270 г. во всех вирах и продажах, известных нам по другим памятникам древнерусского права, в точности соответствует по значению гривне серебра 1195 и 1229 гг. Что же касается денежной марки 1270 г., или гривны кун, то она, судя по договору 1270 г., уже значительно легче древнейшей гривны кун и содержит в себе вместо 50 только 30 кун¹. Из анализа разных статей этого договора можно вывести, что гривна чистого серебра в расчетах Новгорода с немцами приравнивалась в это время примерно 8 гривнам кун². Но нужно учесть, что серебро принималось при этом на вес за скидкой на лигатуру³. Достоинство тогдашних слитков было не выше 90-й пробы, и значит на гривну серебра в монете по весу шло не более 7,5 гривен кун. Именно такое определение мы и находим в одной позднейшей приписке к «Русской правде» о штрафе за бесчестие: «А за бещестную гривну золота... взять ему 50 гривен, а за гривну сребра полосмы гривны»⁴.

¹ См. напр. ст. IX договора 1270 г. и проекта, где доставка товаров от берега до немецкого двора расценивается в 15 кун, а от двора до берега в половину марки или гривны кун. И в. Андреевский. О договоре Новгорода с немецк. город. и Готландом, закл. в 1270 г. СПб., 1855 г., стр. 26 и 27. Ср. также одно место из „Вопросов Кирика“ (1130—1156) в списке XIII в., где одна служба за упокой оценивается в 6 кун, две—в 12 кун, а 5—в целую гривну. „Памятники древнерусского кафолич. права“, ч. I, изд. 2-е. СПб., 1908 г., стр. 24.

² Из ст. XXIV и XXV договора 1270 г. видно, что за рану продажа составляла 1,5 марки серебра, а за побой 3 фердинга. По договору 1229 г. штраф за оинию, или кровавую рану составлял 1,5 гривны серебра, а за побой $\frac{3}{4}$ гривны серебра. Отсюда 1 фердинг = $\frac{1}{4}$ марки серебра. Из ст. 22 и 23 „Правды немецкого двора“ XIII в. („Новгородские скры“) видим, что летние гости платили „дань“ вдвое ниже зимних, откуда, сопоставляя ставки этой „дани“, можно заключить, что один фердинг = 2 маркам кун. Значит—гривна (марка) серебра = 4 фердингам = 8 гривнам (маркам) кун. (См. Андреевский, назв. соч., стр. 34 и 53. На стр. 45 Андреевский приравнивает 1 марку серебра 16 маркам кун, но ничем этого не подтверждает).

³ В Смоленском договоре 1229 г. имелась об этом специальная оговорка: („точное серебро без 10 золотник, а взяти с веса“) при весе гривны в 128 зол. 10 зол. лигатуры определяют 88,5 пробу. По анализам старых слитков серебра новгородских кладов эта проба определялась по-разному, но в средних пределах около 90-й пробы.

⁴ Новгород. летопись по синод. харат. списку, изд. Археогр. ком. СПб., 1888 г., стр. 475.

Эта приписка относится исследователями к XIII в. И стало-быть с XIII в. гривна серебра (в 128 зол.) содержала уже не 4, а 7,5 гривен кун. Вес такой гривны с лигатурой можно определить в $128 : 7,5 = 17,1$ золотника¹. Нога, почти не изменивших своей ценности вплоть до XV в., эта гривна кун содержала в XIII в. только десять, а кун, как уже было указано выше, тридцать².

В XIV веке гривна кун терпит дальнейшее резкое снижение своего веса и значения. Под 1305 г. в Ипатьевской летописи значится: «сице лях един по гривне, се есть по десяти грошей литовских». Таким образом гривна кун к этому времени равнялась уже $\frac{1}{10}$ литовского рубля, который определяется Прозоровским в 82,5 золотника³. Откуда гривна кун весила уже только $8\frac{1}{4}$ зол. и содержала не более 5 ногат, или 15 кун.

В XV в. кунная система денежного счета уже отмирает. По летописному известию, псковитяне в 1409 г., а новгородцы в 1410 г. «куны отложиша» и перешли к счету сначала на немецкие артуги, а с 1420 г.—на серебряные деньги собственной чеканки⁴. В Москве эти деньги вошли в употребление еще раньше, примерно с 1381 г., причем новая денежная система базировалась уже и на новой единице «низовского» веса, а именно на «рублевой гривенке» в 48 золотников⁵. А соотношение между единицами той и другой системы к моменту их смены

¹ С этим выводом любопытно сопоставить следующее известие от 1652 г.: „По приказу дьяков Серебряного ряду у Ивашки Максимова выменено пречистые богородицы Казанские серебрянная чеканная гривна, что в Поместном приказе в ките за решеткою, на прикладные старые малые гривенки, а весом в старых гривенках было семнадцать золотников, да прибавлено вновь серебра к той же гривенке четыре золотника, по 2 алтына 3 денги за золотник“. „Расходные книги и столпы поместного приказа“. М., 1910 г., стр. 297. Повидимому старые гривенки в 17 зол., о которых здесь идет речь, это случайно уцелевшие древние гривны кун XIII в.; по сравнению с более древними гривнами в 32 зол. они конечно „малые“.

² См. А. И. Никитский История экон. быта Вел. Новгорода. М., 1893 г., стр. 103. При этом Никитский, считая в ногате по-старому 2,5 куны, насчитывает их в гривне 25, но страницей ниже (стр. 104) сам приводит ссылку на договор с немцами 1269 г., где 15 кун приравнивается $\frac{1}{2}$ гривны, откуда денежная гривна XIII в. = 30 кунам, а весовая $30 \times 7,5 = 225$ кун.

³ „Полное собр. рус. лет.“, т. II, стр. 227, и Д. И. Прозоровский, Монета и вес в России до конца XVIII ст. СПб., 1865 г., стр. 291.

⁴ И. И. Кауфман, Сер. рубль, стр. 29; „ПСРЛ.“, III, стр. 104; Новгород. синод., стр. 398.

⁵ И. И. Кауфман, Сер. рубль, стр. 3, 13, 14, 19, 36. На ряду с рублевой гривенкой в 48 золотников существовала повидимому уже с начала XIV в., если не раньше, и рублевая гривна в 96 золотников. О рублевой единице веса впервые упоминается уже под 1316 г. Быть может именно на этой единице низовского веса базировались и те особые „волжские“ гривны, о которых упоминается в Уставе новгор. кн. Святослава (1137 г.) и которые собирались от вир и продаж в Рыбаньске (Рыбинске) и других местах Поволжья. На этой же новой базе строились повидимому с XIV в. и литовско-русские рубли в 100 грошей. Псковская летопись („ПСРЛ.“, IV, стр. 199, V, стр. 20), упоминая под 1407 г. о полтине серебра в 15 гривен кун, когда гривна кун равнялась уже только 2 ногатам по 1,6 золотн., тоже предполагает рубль серебра в 96 золотников.

по «Памети» 1494 г. о том, «как торговали доселе новгородцы», определяется так: новая гривенка серебра в 48 зол. = рублю = $15\frac{3}{7}$ гривен кун = $30\frac{6}{7}$ ногат = 108 кун = 216 денег¹. Отсюда гривна кун начала XV века = 2 ногаты = 7 кун = 14 денег = 3,1 золотника серебра. Ногата в 3,5 куны, или 1,55 зол. серебра, по своему значению в переводе на серебро почти не изменилась по сравнению с X—XII вв., когда она равнялась 1,6 золотника серебра. А куна, равная 2 деньгам, сравнялась по цене с белкой, т. е. заметно понизилась в своем значении со времен «Русской правды».

**

Определив валютное значение различных денежных единиц древней Руси, перейдем теперь к установлению их покупательной силы в товарном выражении.

Обычно для учета покупательной силы денежной единицы в разное время наши историки хозяйства (Ключевский, Туган-Барановский и др.) довольствуются сопоставлением хлебных цен. К сожалению хлебные цены подвержены наибольшим колебаниям, в связи с колебаниями урожайности и целым рядом иных привходящих обстоятельств. В частности, если речь идет о больших промежутках времени, то шаткость выводов получается в этой области уже по причине неустойчивости единицы измерения хлебов во времени и пространстве. Встарину хлеба продавались не на вес, а на меру, причем эта мера (четверть) до XVII века в Москве составляла всего около 4 нынешних четвериков, а в XVII века она уже удвоилась: в Новгороде она была в полтора раза больше, чем в Москве, четверть в «приимочную меру» — 8 четвериков с верхом, а «в отдаточную меру» — 6 четвериков под гребло и т. д., — в каждой области, каждом городе своя мера или свои особенные способы измерения. Поэтому хлебными ценами вообще приходится пользоваться с большой осмотрительностью, проверяя хлебный индекс динамикой цен скота и других сродных товаров. Если же речь идет об уровне жизни, то хлебные цены в отрыве от других и подавно не могут служить сколько-нибудь точным мериллом его.

Хлебные цены в древнейших записях летописца мало показательны уже потому, что в летопись заносились по общему правилу исключительные цены особенно голодных лет². Кроме того почти все записи этого рода относятся к Новгородской области, где обычно нехватало своего хлеба и расценивался он по ненормально высоким ценам. Наиболее умеренная из них от 1137 г. составляет 7 резан за осмину новгородскую (около 3 пудов), или около 0,47 гривны за берковец. За другие годы цены еще более исключительные. Ими мы и вовсе не могли бы воспользоваться для характеристики нормального уровня жизни тех времен. И потому в поисках за более нор-

¹ Прозоровский, стр. 174; И. И. Кауфман, Сер. рубль, стр. 20, 25, 51.

² См. Аристов, Промышленность древней Руси, СПб., 1866 г., и Лешков. О народном продовольствии в древней Руси. М., 1854 г.

мальными ценами хлеба мы принуждены обращаться к гораздо более поздним свидетельствам.

Особенно пригодными для нашей цели получить ясное представление о нормальном уровне цен на те или иные продукты являются те урочные таксы, какие содержатся в древнейшем законодательстве для определения цены гражданского иска при покупке или уплате налога натурой и т. п. случаях. Такие нормативные цены в отличие от рыночных не подвержены случайностям конъюнктуры и могут заменить собой средние цены фактических сделок за соответствующий момент. Эти оценки, конечно, легко могут устареть, если их долго не пересматривают, но для момента издания данного закона они достаточно показательны.

Для хлеба в зерне мы могли бы, например, привести определения писцовых книг 1498—1524 гг., из которых явствует, что коробья ржи в Новгородской области стоила нормально 10 новгородских денег¹.

Новгородская коробья XV века содержала две четверти по 6,15 пуда, т. е. около 12,3 пуда, а 10 денег тогдашних весили $\frac{1}{100}$ фунта, или 1,6 зол., т. е. коробья ржи оценивалась здесь в одну древнюю ногату, а за берковец надо считать около 0,047 древней гривны, т. е. раз в десять дешевле голодной цены 1137 г. Если эту цену признать даже слишком низкой для XII века с его архипрIMITИВНЫМИ условиями земледелия, то все же ясно, что нормальная цена ржи в X—XII в. колебалась где-то между указанными пределами (0,47 и 0,047), т. е. примерно около 0,26 древней гривны за берковец, или 5,2 ногаты (8,3 золотника серебром).

В печеном виде хлеб расценивался в голодные годы не ниже 2 кун за ковригу по летописному новгородскому известию 1129 г.² Указные же цены печеного хлеба, начиная с XIV в., не превышают даже в Новгородской области деньги за ковригу³. Исходя из соотношения цен на печеный хлеб и зерно, мы определяем средний вес ковриги хлеба XII—XIII вв. не ниже 20 фунтов⁴. Одна новгородская серебряная денга с 1447 до 1535 г. весила $\frac{1}{1000}$ фунта. Отсюда коврига хлеба в XV в. оценивалась нормально около 0,16 золотника в серебряной монете, т. е. в 0,1 ногаты. Таким образом 1 пуд печеного хлеба для времен «Русской правды» стоил по видимому от 0,2 ногаты до 4 кун, т. е. в среднем около 0,9 ногаты.

Цена пшеницы в отношении к ценам ржи в XII—XIII вв., по Аристову, стояла выше на 60—70%; цены пшена стояли выше пшеницы на 25—40%.

¹ Новгородские писцовые книги, том IV, СПб., 1906 г., стр. 227, том V, стр. 387.

² Аристов, назв. соч., приложение. Та же голодная цена отмечена для Новгорода и в 1228 г. в связи с военными сборами — „от стечения народа“.

³ Там же, XIV в. и 1455—1462 гг., ср. Уставную белозерскую грамоту 1488 г., Уставную — 1537 г. бобровникам Владимирск. у. и др., Турчинович. История сельского хозяйства России. СПб., 1854 г., стр. 11—12.

⁴ Этот вес подтверждается и прямыми данными „Указа о хлебном и калачном весе“ 1626 г., „Временник моск. о-ва истории“. М., 1849 г., кн. 4.

Для расценки животных продуктов той же эпохи у нас имеется довольно указаний в самой «Русской правде». Причем и здесь имеются двоякого рода расценки: во-первых, указные таксы или урочные нормы стоимости скота на случай его покражи и, во-вторых, в одном из списков «Правды» частнохозяйственные инвентарные оценки имущества некоего ростовского князя или боярина. Этот инвентарь карамзинского списка «Русской правды» представляет в нем явно инородное, но тем не менее чрезвычайно любопытное включение. Составлен он очевидно не позже начала XII века, так как денежный счет в нем ведется на резаны, которые позже 1137 г. в летописях уже не встречаются, заменяясь кунами. Тем не менее инвентарные оценки скота по карамзинскому списку значительно выше урочных цен того же и всех других списков. Очевидно урочные цены еще более древнего происхождения, а может быть отчасти тут причиной и качество скота. «Княжий» конь и в урочной расценке в 1,5 раза дороже «смердьего». По той же причине и боярский скот ростовского поместья может быть значительно дороже средних расценок более худосочных — «смердых» коров, свиней, баранов и прочей домашней скотины.

Сопоставляя урочные и инвентарные цены «Русской правды» на скот, имеем для вола расценки от 1 до 3 гривен, в среднем 2 гривны, для коровы — от 0,8 до 2, в среднем 1,4 гривны, для свиньи — от 0,1 до 0,5, в среднем 0,3 гривны, и для овцы — от 0,1 до 0,3 и в среднем 0,2 гривны кун. В 1913 г. вол стоил в среднем по 50 губ. Европейской России 85 руб., корова—59 руб., свинья—17 р. 90 к. и овца—6 р. 40 к. Из этих соотношений не трудно вывести средний индекс вздорожания мясного скота с X—XII века¹. Для первого приближения допустим, что вес и качество крестьянского скота в среднем не очень заметно прогрессировали со времен Ярослава Мудрого. А в таком случае можно бы считать, что и цены на битое мясо возросли в том же отношении, как и цены живого скота.

Имеется впрочем в «Русской правде» одно прямое указание на цены битого мяса со ссылкой на «урок Ярославль», т. е. восходящее к началу XI века. Этот урок определяет цену за овна или полоть мяса в 2 ногаты (ст. 42, акад.). Однако за отсутствием весового значения этой единицы использовать его для нашей цели едва ли возможно.

Из молочных продуктов «Русская правда» дает нам только цену коровьего масла: за «горнецъ»—10 резан, или 0,2 гривны-кун, и цену сыра: резина за штуку (ст. 56, карамз. сп.)². Но размер сыра нам неизвестен. А горнецъ, т. е. горшок масла, судя по практике XVII в., ве-

¹ Для рогатого скота он выводится нами в 42 раза, для овец—в 32, в среднем около 38 раз.

² В ст. 42 кар. списка имеется еще в расценках краденого такое место: «а за корову 40 кун... а за теля 5 кун... а за коровье млеко 6 ногат». Повидимому за дойную корову можно было взыскивать на 6 ногат или 15 кун больше, чем за яловую.

сил не менее 10 ф.¹ и, зная это, мы получаем возможность хотя бы приблизительного сопоставления с нынешними ценами. Нужно только помнить, что указанная цена масла относится к повышенным расценкам ростовского имения, где корова по той же статье 56 «метана по две гривны», в то время как урочная ее цена по ст. 42 того же списка в 2,5 раза дешевле. Очевидно и цену масла в 10 резан за горнецъ надо считать высшей для эпохи «Русской правды», а низшей — применительно к ценам ст. 42, была бы цена около 4 резан за 10 фунтов.

Из других пищевых продуктов мы можем еще установить расценки на мед, заменявший в старину нынешний сахар, и соль. Мед продавался в Новгороде в 1170 г. по 10 кун за пуд и в этой цене весьма устойчиво держался вплоть до XIII в. (1269 г.)². В наше время пуд меда (1913 г.) стоил бы не менее 10 руб., а сахар—не свыше 5-6 руб., а потому мы в индекс уровня жизни считаем более правильным вводить сахар. В отношении соли имеется довольно темное указание Патерика Печерского от XI в., по которому дорогой ценой в Киеве считалось, когда на куну давали 2 головажи соли, а дешевой—10 головажей за куну³. Если вслед за Аристовым приравнять головажу ведру, то, считая в нем около 20 ф. соли, придется берковец соли оценить от 2 до 10 кун; а в среднем по 6 кун, или 1,5 ногаты за 10 пуд. соли. Но Аристов совершенно произволен в своей догадке. Из «Русской правды» известно, что вирник с отроками, сам четверт (а кони 4), получал на неделю корму: «7 ведер солоду, а хлебов 7... а соли 7 головажень» (стр. 7, карамз. сп.). Из структуры бюджетов видно, что на 100 фунтов хлеба расходуются в городах обычно не свыше 3—4 ф. соли. И если каравай хлеба весил не больше 20—30 ф., то «головажня» соли очевидно не ведро, а раз в 20 меньшая мера (кружка?). А соль — очень дорогой товар по сравнению с нынешними ценами.

Обращаясь к более поздним источникам, приведем только два указания. В 1232 г. в Новгороде и Пскове из-за войны и недостатка подвоза соль продавалась дорого. «Купляху соль по 7 гривен бърковьск» (1-я Новг. лет., стр. 240). Гривна XIII в. содержала 10 ногат, значит за пуд соли платили по 7 ногат, или 0,35 старой гривны. В 1407 г. в Пскове при дешевых ценах пуд соли продавался по гривне (1-я Псковская). Гривна кун начала XV в. содержала только 2 ногаты, или 0,1 старой гривны. В среднем стало-быть пуд соли по древнейшим летописным известиям стоил около 4,5 ногаты за пуд⁴.

¹ Расходн. книга м. Никона, 1652 г., «Временник моск. о-ва истории». М., 1852 г., стр. 11, 24 и 26, где горшок масла стоит 10 алтын при цене масла в 1 алт. за фунт.

² См. Аристов, назв. соч., стр. 39 и Новгор. лет. (1-я) под 1170 г.

³ Аристов, стр. 69 и 284.

⁴ Конечно на местах добычи соль была во много раз дешевле. Так в 1253 г. в Крыму русские платили, по Аристову, за соль тканями на сумму до полугривны за воз, т. е. по 5 ногат пудов за 25; за пуд—0,2 ног. Подобно этому в Перми Великой в 1674 г., по Кильбургеру, соль продавалась по 1,5 коп. за пуд, в то время как в Москве она стоила тогда 20 коп. пуд.

Из предметов, пригодных для оценки одежды, мы располагаем лишь ценой овечьей шерсти. По «Русской правде» руно овечье, т. е. около 2,5 ф. грубой овечьей шерсти в ростовском именьи «чтено по резане» (ст. 49, карамз. сп.). Кроме того из того же источника известно еще урочная расценка дров: за воз, т. е. пудов за 25, по зимней дороге по 2 ногаты (стр. 96, карамз. сп.).

Наиболее дешевым однако в древней Руси было жилище.

Древнейшее известие по этому вопросу относится к XIV в. В Новгородской области изба, клеть и овин оценивались в XIV-XV вв. всего в 10 бел, или 20 денег, Аристов, приводя это известие, называет такую цену «неимоверно дешевой»¹. И действительно трудно допустить, чтобы крестьянский двор стоил дешевле барана (15 бел по оценке тех же источников). Но от XVI века у нас сохранилось следующее более достоверное известие. В Пскове для приезжих торговцев содержался гостиный двор с 69 «амбарами». С амбара, в каждом из которых было по 2 избы с сенями, т. е. целая квартирка, взималось «за тепло и за стряпню, и за соль, и за капусту, и за скатерть, и за квас, и за утиральники» по 4 деньги в неделю². За 52 недели это составит 208 денег, т. е. $\frac{208}{1200}$ фунта серебряной монетой, или 0,52 древней гривны. А в 1910 г. годовая плата за квартиру в 1—3 комнаты в среднем по всем городам и поселкам России, в границах нынешнего СССР, составляла 208 руб. вместо прежних 208 денег³. Отношение тоже чрезвычайно высокое. Впрочем высота этого отношения объясняется не столько дешевизной строительства в древнее время, сколько высотой лесной и в особенности земельной ренты в городских поселениях капиталистической России.

Пользуясь приведенными оценками и взвешивая их по структуре рабочего бюджета XX века, мы получим такое соотношение: (см. табл. 1 на стр. 107).

Использованный здесь бюджетный набор далеко не полон и в некоторых звеньях опирается на довольно шаткие основания, но в общем дает все же вполне достаточную ориентировку в направлении и масштабах интересующих нас ценовых сдвигов.

Эти сдвиги весьма показательны, особенно, если все цены выразить не в меняющейся во времени денежной единице, а в фунтах или в денежном металле — серебра и золота. Как видим, в серебре все цены выросли раз в семь, а в золоте — только на 75%. Это означает конечно относительное удешевление серебра по сравнению с золотом и другими товарами. Иначе говоря, затраты труда на добычу серебра падали за исследуемую эпоху быстрее, чем в земледелии, животноводстве и других смежных областях производства. Наибольшее вздорожание в серебре обнаруживают продукты животноводства

¹ Аристов, назв. соч., прилож., «Ср. Акты Зап. России», I, № 2, стр. 131, А. Ю., № 7, ХХП.

² Булишер, История русской торговли, 1923 г., стр. 174.

³ С. Струмилин, Очерки советской экономики, изд. 2-е, стр. 52.

Уровень цен X—XII веков Табл. 1

Состав набора	Единица счета	Годовая норма потребления	Цена за единицу		Годов. норма		Индекс вздорож. (X—XII вв. = 1,0)
			X—XII вв. в гривнах кун	1913 г. в руб.	X—XII вв. в гривнах кун	1913 г. в руб. и коп.	
			1	2	3	4	
1. Рожь в зерне	пуд.	10,0	0,026	0,87	0,260	8,70	33,5
2. Хлеб печеный	"	2,0	0,045	1,05	0,090	2,10	23,3
3. Пшеница в зерне	"	6,0	0,043	1,16	0,258	6,96	27,0
4. Пшено	"	2,0	0,057	1,60	0,114	3,20	28,1
Итого	"	20,0	—	—	0,722	20,96	29,1
5. Говядина	"	1,5	0,195	7,40	0,292	11,10	38,0
6. Баранина	"	1,0	0,169	6,40	0,169	6,40	38,0
Итого	"	2,5	—	—	0,461	17,50	38,0
7. Масло коровье	"	0,3	0,560	17,80	0,168	5,34	31,8
8. Мед-сахар	"	0,6	0,200	5,84	0,120	3,50	29,2
9. Соль	"	0,5	0,220	0,30	0,110	0,15	1,4
10. Шерсть овечья	"	0,2	0,320	13,20	0,064	2,64	41,38
11. Дрова	воз	3,0	0,100	3,74	0,300	11,29	37,4
12. Жилище	кв. саж.	1,2	0,023	9,10	0,027	10,92	400,0
Всего по 1—12 в валюте	—	—	—	—	1,972	72,23	36,6
То же в фунтах (409,5 л):							
а) серебра	фунт.	—	3	15	0,658	4,82	7,3
б) золота ¹	"	—	25	525	0,079	0,138	1,75

и лесоводства (шерсть в 5,6 раза, мясо в 5,2 раза, дрова в 5,1 раз, масло в 4,3 раза), а затем продукты растениеводства (в 4,0 раза). Отсюда заключаем, что наименьшие сдвиги в производительности труда за последние 8—10 столетий можно отметить в лесных разработках и мясном животноводстве.

Если условно допустить, что движение цен в этих отраслях шло пропорционально трудовым затратам, и прирост производительности труда в разведении мясного скота принять за отправную норму, то в производстве молочных продуктов мы можем отметить дополнительный против этой нормы прирост производительности труда, равный отношению 38 : 31,8, т. е. процентов на 20, в производстве зерновых хлебов (38 : 29,1) — на 30% и т. д. Особенно велики эти сдвиги однако лишь в отношении серебра и соли, т. е. продуктов промышленного труда. В добыче серебра по отношению к тому же уровню

¹ Цена золота для древнейшего периода выведена из приведенного выше указания XIII в., что гривна золота = 50 гривнам кун. Считая в гривне кун XIII в. по 16 золотников чистого серебра, а в гривне золота — 96 золотников, получаем отношение 800 : 96 = 8,33.

мы должны констатировать относительный прирост производительности труда в 5,2 раза, а в добыче соли (38 : 1,4) — раз в 27. Впрочем, в отношении соли столь резкое удешевление следует объяснять не столько условиями добычи, сколько условиями перевозки соли. Железнодорожный транспорт по сравнению с гужевым дает колоссальное удешевление перевозок, а в цене соли на месте потребления издержки транспорта играют решающую роль.

В отношении уровня жизни и реальной оплаты наемного труда в эпоху Ярослава Мудрого мы можем, пользуясь исчисленным индексом, прийти к следующим выводам. Гривна Ярослава, как видим, стоила в предметах первой необходимости не менее 36 рублей 1913 г. Поденная плата плотнику в 1 ногату, стало-быть, составляла около 1 р. 80 к. довоенных, а годовая за 250—300 дней — не менее 450 р. в год.

Перед началом империалистической войны, в июне 1914 года, средний поденный заработок взрослых рабочих мужского пола по всей фабрично-заводской промышленности России достигал только 1 р. 41 коп. Специально у деревообделочников, чтобы лучше сравнить их с древоделами XI в., средний поденный заработок по всем группам в июне 1914 г. составлял едва 1 р. 28 коп., а у взрослых мужчин поднимался до 1 р. 49 коп. И даже у наиболее высокооплачиваемых столичных плотников по справочным ценам Московской городской управы поденная плата в среднем за 1913 г. составляла только 1 р. 73 коп. Таким образом, в лучшем случае можно считать, что на вершине капиталистического развития в царской России наш рабочий стоял по реальной оплате своего труда едва на том же нищенском уровне, что и 900 лет тому назад на заре российской государственности при неизмеримо более низком уровне производительных сил страны и, стало-быть, при неизмеримо более низком уровне народного дохода.

На первый взгляд этот вывод может показаться довольно неожиданным. Но, тем не менее, он совершенно верен. И мы будем иметь еще не один случай подтвердить его на историческом опыте различных эпох и народов.

2. Уровень жизни XVII века

В отношении оплаты ремесленного труда при первом царе из дома Романовых у нас имеются довольно подробные данные. В самом дворцовом ведомстве Михаила Федоровича помимо обычной дворни ежедневно эксплуатировались целые сотни вольнонаемных мастеровых: портных, скорняков, сапожников, иконописцев и т. п. ремесленников¹.

¹ См. „Приходо-расходные книги казенного приказа“ за 1613 г. Русск. ист. библ., изд. Археогр. комиссии, т. IX, СПб. 1884 г. Ср. М. Довнар-Запольский, Организация московских ремесленников в XVII в., „Журн. мин. народн. просвещения“, 1910 г., № 9, стр. 132—133, где по описи 1681 г. подсчитано 250 дворцовых мастеровых (серебрянников, портных, пивоваров, винокуров, мельников, плотников, кузнецов, котельников, токарей и т. д.), сверх того сюда можно еще прибавить 182 иконописца и 276 оружейников разного рода.

Часть из них составляла постоянный персонал царских мастерских и называлась казенными мастерами, а часть приглашалась временно, лишь в сезонный разгар работы, из торговых рядов соответствующей специальности и называлась торговыми или рядовыми мастерами. Последние получали за свою работу только поденный «корм» или при сдельной работе задельную плату, а казенные мастера кроме поденной платы получали еще и «годовое жалованье».

Подобно этому среди иконописцев постоянные работники назывались «жалованными», получая и поденный корм, и годовое или месячное жалованье, а временные — «кормовыми». Последние получали только поденный корм.

Казенные мастера-портные получали годовой оклад по 5 руб. в год и поденного корма по 6 денег, или 3 коп. в день, а казенные скорняки только по 4 руб. годового жалованья, но зато поденный их корм поднимался до 8 денег, или 4 коп. за день. Как видно из сохранившихся записей, поденный корм выдавался и за воскресные и даже за прогульные (не по вине рабочего) дни¹.

И если считать в году кормовых дней не меньше 360, то общий годовой заработок казенного портного достигал $5 + 10,8 = 15,8$ руб., а казенного скорняка $4 + 14,4 = 18,4$ руб., т. е. в общем работа скорняков расценивалась даже несколько выше, чем портных.

Временные работники получали поденного корма обычно больше, чем постоянные той же квалификации. Например жалованные живописцы до 1643 г. получали по 6 денег, а кормовые — по 8 денег в день; казенные скорняки и портные — по 6—8 денег, а торговые — по 8 и 10 денег на день, чем и компенсировалось повидимому неполучение ими годового жалованья². Таким образом из расчета на 360 дней и «торговые» мастера на временной работе могли получить не менее 14—18 рублей заработка за год.

Большой разницы в оплате рабочих различной квалификации не наблюдалось. Например на ряду с портными «мастерами», получавшими от 4 до 5 коп. в день, к портняжной работе в горячие моменты привлекаются и стрельцы, пушкари и конюхи, и им тоже дают те же 4-5 коп. поденного корму³. Даже совсем необученные «парни» и «робята», привлекаемые в портняжные мастерские, получают там по 6—8 денег, или 3-4 коп. поденного корма⁴.

¹ „Приходо-расходные книги 1613/14 г.“ стр. 110, 125, 115, 131, 135, 138: скорняки, получая на день корму по 4 коп., за „неделю“ получали по 28 коп., т. е. из расчета на 7 дней. Ср. „Временник“, м. о. истории, М., 1850 г., кн. 7 „Материалы для истории иконописи“, стр. 47 и кн. 6 „Записная книга 1670 г.“, М., 1850 г., стр. 12, где выданный за 6 месяцев „поденный корм“ по 25 коп. на день составляет 45 р. 25 к., т. е. оплату 181 дня.

² „Материалы для истории иконописи“, стр. 62; „Приходо-расходные книги 1613/14 г.“, стр. 49-50, 64, 104.

³ „Приходо-расходные книги 1613/14 г.“, стр. 105, 124.

⁴ Там же, стр. 117, 135, 144.

4-5 коп. в день — это обычная для 1613/14 г. норма поденной оплаты ремесленника, и скорняка, и плотника, и сапожника, и шапочного мастера, и портного, и каменщика. «Подмастерье» каменщика получает 3 коп. в день, но и вовсе необученный — «ярыга», т. е. простой чернорабочий, помогающий каменщику, получает те же 3 коп. поденного корма.

Любопытно отметить, что и казенный писец наравне с казенным портным получал 5 руб. годов. жалованья и по 3 коп. поден. корма¹.

При сдельной работе ремесленники вместо поденного денежного «корма» получали деньгами же от урока «на харч, на квасы, на муку и на соль, и на сало»². Это примерное перечисление, несмотря на его лаконичность, характеризует прожиточный стандарт русского пролетария XVII века со стороны его качества. Но, не зная тогдашних цен, мы ничего не могли бы еще сказать о его количественном значении.

В общем для 1613/14 г. по многочисленным сохранившимся записям этого года можно установить следующие нормы поденной оплаты (в Москве): для квалифицированных ремесленников от 4 до 5 коп. серебром, для чернорабочих — 3 коп. и даже для подростков — «робят» — не менее 2 коп. в день.

Этот номинальный уровень, несмотря на изменения и в весе денежной единицы и в ценах, сохранялся довольно долго. Так например каменщик получал в день по 4 коп. и в 1913, и в 1626, и в 1647 гг., т. е. за все время царствования Михаила Федоровича (1613—1645 гг.) эта норма не подвергалась никаким изменениям³. Характерно лишь, что последние годы и чернорабочий (ярыжка) расценивался уже по 4 коп.

Первое заметное повышение норм оплаты труда в Москве можно отметить в отношении иконописцев. В 1642 г. кормовые иконописцы получали всего по 5 коп. корма на день, а с 1643 г. они получают уже от 7 до 10 коп. в зависимости от квалификации. Сверх того, как видно из записи 1660 г., они получали «с сытного двора по 6 чарок вина дворянского, по 4 кружки меду цыженого, по ведру браги человеку; с кормового двора по 2 ествы человеку на день, с хлебного двора по тому ж да пироги, а городовым (провинциальным) иконником против того в полы»⁴.

¹ Там же, стр. 46, 112, 136.

² Там же, стр. 46, 49 и др.

³ „Расходные книги и столпы поместного приказа“ (1626—1659 гг.), М., 1910 г., кн. 1, в записи от 8/X 1626 г. читаем: „Каменьщиком Якиму Олексееву с товарищами, трем человеком, да двум человеком ярыжным, всего 5 человеком, корму на 2 дни по 8 денег на день, итого 13 алтын 2 деньги“, стр. 8 и далее в 1647 г.: „Каменьщиком да ярыжком, 5 человек, корму поденного на 3 дни по 4 алтына человеку, а на день 8 денег“, стр. 120.

⁴ „Материалы для истории иконописи“, стр. 62, 36-37. Жалованные иконописцы в 1652 г. получали годовой оклад в 12—15 руб. деньгами, хлебом по 20 четей ржи и 20 четей овса, а во время работы еще по 3 коп. (с 1667 г. по 6 и по 10 коп.) поденного корму. Лучшие мастера иностранцы получали конечно гораздо больше — по 10—20 руб. в месяц кроме всяких натуральных выдач. Там же, стр. 15 и 89.

За 1658 г. мы встречаем уже запись и об оплате каменщиков вместо 4 коп. по 2 алтына, т. е. по 6 коп. в день, а рядовых «работников» — по 10 денег (5 коп.)¹. Но в 1658 г. в Москве началась известная финансовая операция по чеканке серебряной монеты из меди, приведшая к народному бунту в 1663 г. И потому указанное повышение номинала поденной оплаты труда нуждается в известных оговорках. Однако до конца 1658 г. медные деньги еще ходили в Москве по довольно высокому курсу (1 руб. серебра = 1 р. 4 к. медью), и стало быть такое обесценение денег не могло само по себе объяснить отмеченное повышение зарплаты².

Скорее в объяснение этого повышения можно привести другой факт. Дело в том, что с 1535 до 1612 г. из фунта лигатурного серебра чеканилось 6 рублей деньгами, с 1613 г. их стали чеканить 8 рублей, а с 1650-х годов — 8 р. 64 к. Правда на рыночных ценах это снижение веса денег сказывалось всегда с порядочным запозданием, но все же сказывалось. А вслед за товарными ценами раньше или позже это отражалось и на оплате труда.

В 1662 г. во время дороговизны хлеба, вызванной большими выпусками медной монеты, на совещании торговых людей отмечалось между прочим, что «в прежних летах можно было мастерскому человеку с женою быти сыту днем алтынным хлебом»³. Во второй половине века даже после ликвидации медной инфляции индекс дороговизны жизни, как будет показано ниже, заметно поднялся против прежнего уровня.

Вместе с тем мы наблюдаем и соответствующее повышение оплаты ремесленного труда. Уже в 1657 г. вместо прежних 4-5 руб. годового оклада казенных мастеровых мы встречаем новую норму в семь рублей на год, причем по такой норме оплачивается не только портной и сапожник, но и простой сторож⁴. Поденный корм с 1658 г., как уже было отмечено выше, даже для рядовых «работников» и подмастерьев поднимается до 5-6 коп., а в 1674 г. по показанию Кильбургера каменщик зарабатывал в день уже по 8 коп.⁵ Кузнецы,

¹ „Расходная книга поместного приказа“, стр. 297: „Каменных дел подмастерья Матюшке Фомину, да двум каменьщиком на 3 дни корму, по 2 алтына человеку в день да работником... по 10 денег человеку на день“...

² Медные деньги Алексея Михайловича имели хождение к началу 1659 г. по 1 р. 4 к. за серебр. рубль, к 1660 г. — по 1 р. 30 к., к 1661 г. по — 2 руб., к 1662 г. — по 4 руб., к 1663 г. — по 9 руб., а к 15 июня 1663 г. — уже по 15 руб. за рубль. После бунта их прекратили чеканить, принимая в казну по цене за 2 деньги рубль медью. В одной Москве медных денег было выпущено на 620 тыс. руб. См. Н. Костомаров, „Очерк торговли московск. государства в XVI и XVII ст.“, СПб., 1862 г. Как известно мелким фальшивомонетчикам в XVII в. заливали горло кипучим оловом, а цари, продельывая эту операцию в больших масштабах, пользовались почтением и уважением.

³ М. Довнар-Запольский. Торговля и промышленность Москвы XVI-XVII вв., в сборнике „Москва в ее прошлом и настоящем“, ч. III, стр. 65.

⁴ „Расходные книги и столпы поместного приказа“, М., 1910 г., кн. 1, стр. 251.

⁵ Б. Курц. Сочинение Кильбургера, стр. 169.

токари, сторожа и конюхи в подмосковных хозяйствах Алексея Михайловича (1645—1676 гг.) получали от 3 до 7 руб. денежного жалованья в год и сверх того от 5 до 13 четвертей ржи и овса натурой, не считая поденного корма¹.

Впрочем нужно думать, что на селе в те времена приходилось оплачивать вольнонаемный труд довольно высоко уже потому, что там его неоткуда было взять. Так например в донесении воеводы Сеитова от 1642 г. из царской экономии Яблонова (Курской губ.) читаем: «По твоему государеву указу велено, государь, мне холопу твоему в Яблонове пахать твоя государева десятинная пашня под ярь, также и под рожь... охочими наемными людьми с поденным кормом, а твоего государева жалованья, поденного корму, велено мне давать за работу пахарем и жнецом и от молотбы по 10 денег, а бороноволок, государь, по 6 денег на день человеку... а яблоновским, государь, служилым людям твоей государевы десятинной пашни в неволю пахать не велено. А в Яблонове, государь, охочих людей нет... И... я, холоп твой, в Яблонове велел пахать твою государеву десятинную пашню яблоновским стрельцам и казакам и пушкарям в неволю...»².

Как видно, хотя поденная плата сельскому батраку в 5 коп. за день равнялась высшей норме оплаты столичного мастерового-ремесленника того времени, охотников на такую оплату не легко было найти в деревне. И это понятно. Деревенская беднота к тому времени почти повсюду была основательно закабалена. Холопов или крепостных незачем было привлекать по найму, ибо их труд эксплуатировался на других основаниях. Свободных от всякого тягла «бобылей» и «сирот» было немного, да и те больше тянулись за заработком к городу или посаду. Сельского пролетариата в современном смысле этого слова не было, да и городской пролетариат находился еще только в зачаточной стадии своего становления.

Правда на окраинах государства, куда разбегались от помещиков их кабальные и всякие иные закрепощенные люди, были свободные рабочие руки. На них-то очевидно и рассчитывал царский указ воеводе Сеитову. Но при обилии никем незанятых земель на этих окраинах свободные рабочие руки находили повидимому там себе достаточное применение и помимо царских запасек.

Возвращаясь к городскому труду и подводя итоги, отметим, что если для первой половины XVII в. нормой поденной платы ремес-

¹ А. Заозерский. Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве, 1917 г., стр. 199—207. К. А. Пажитнов. Положение рабочего класса в России, т. I, изд. 2-е, Л., 1925 г., стр. 107.

² Миклашевский. К истории хозяйственного быта московского государства. ч. I, М., 1894 г. Приложение (разрядка наша. — С. С.). За бороной могли ходить и подrostки, отсюда пониженная для них норма оплаты — 3 коп. за день, столько же получали и женщины-жницы. Там же (1640 г.), стр. 70.

ленника мы можем считать от 3 до 5 коп. за день, то для второй она поднимается до 5—8 коп., а иной раз, например у иконописцев, шапочников и закройщиков, она достигала и 10 коп. в день¹.

Таковы нормы оплаты ремесленного труда. Но начиная с XVII в., в России можно наблюдать уже некоторое «разложение ремесленного строя и рост капитализма в стране»². Правда, это только самые первые зачатки капитализма. Сведения о капиталистической эксплуатации наемного труда за это время крайне скудны и отрывочны. Тем не менее у нас имеются все же некоторые сведения об оплате труда на относительно крупных промышленных предприятиях бесспорно капиталистического типа. И таким образом мы можем поставить вопрос о реальном уровне оплаты промышленного труда уже на заре капитализма, за целых триста лет до пролетарской революции, и сравнить его с последним словом капитализма царской России.

Что же дали пролетариату царское самодержавие и вскормленный за 300 лет под сенью дома Романовых российский капитализм?

До XVII века в России мы не знаем крупной промышленности. Все производство носило характер мелкого, ремесленного. Раньше других в связи с интересами обороны страны, характер крупного производства приняло у нас горное дело и в частности железодельное производство. После смутного времени при первом царе из дома Романовых Михаиле Федоровиче (1613—1645 гг.) были у нас открыты первые чугуноплавильные и железодельные заводы в Соликамске, Костроме, Владимире и Туле. Готовясь к войне с Польшей, правительство с охотой привлекало заграничных мастеров и инженеров. Нашлись в их числе и заводчики из иностранных капиталистов. Первым из них оказался голландец Андрей Винниус с товарищами, получивший в 1632 г. концессию на постройку в 15 верстах от Тулы завода для выделки чугуна и железа с обязательством поставлять в казну пушки, ядра, ружейные стволы и пр.

Таким образом Тульский оружейный завод можно считать первым значительным капиталистическим предприятием на русской земле. На нем имелись водяные механические двигатели, две домны в 11 арш. высотой с выплавкой по 100—120 пудов чугуна в день и только по добыче руды работало 50 «ровщиков». Зарабатывали они сдельно по два алтына, т. е. по 6 копеек в день (за воз в 25 пудов очищенной от земли и камней руды)³.

Эта норма оплаты повидимому была довольно типичной для данной эпохи. Имеются сведения и о другом горном (медноплавильном) заводе в Соликамском у., Пермской губ. (близ Пыскорского монастыря), действовавшем с 30-х годов XVII в. до 1657 г., где работы

¹ Пажитнов, стр. 106.

² С. Архангельский. Процесс образования промпролетариата в Нижнем Новгороде (по писцовой книге 1627—1629 гг.). „Труд в России“, 1925 г. кн. 1, стр. 49.

³ И. Гамель. Описание тульского оружейного завода. М., 1826 г., стр. 10-11. Юлий Гессен. История горнорабочих СССР, т. I, М., 1926 г., стр. 22.

производились вольнонаемными людьми и оплачивались по-дневно: конные — по 12 коп. в день и пешие — по 6 коп.¹

Если учесть, что поденный корм выдавался в то время не только за будние, но и за праздничные дни, то месячный «корм» заводского рабочего придется определить в 6 коп. $\times$ 30, т. е. до 1 р. 80 к. в месяц, даже без весьма обычных в XVII в. дополнительных выдач натурой. Годовой заработок стало быть даже при 10 месяцах работы определится в 18 рублей, а за полный год его можно считать на заводской работе до 21 р. 60 к. на рядового вольнонаемного работника. Это, очевидно, была не слишком высокая норма оплаты для заводского труда на заре российского капитализма, ибо Пыскорский завод закрылся по имеющемуся свидетельству Крамаренкова из-за недостатка рабочих рук.

Таким образом в первой половине XVII века на заводской работе рядовой пролетарий оплачивался на 20% выше квалифицированного ремесленника. Объясняется эта разница в пользу заводских рабочих очевидно все тем же недостатком «свободных» рабочих рук на заре капитализма, о котором мы уже упоминали. Заводы строились на новых местах, вдали от крупных городских центров, и туда привлекать вольнонаемный труд было тем труднее, что городские ремесленники были привязаны оседлостью к своим местам и не имели особой нужды менять свою профессию и место работы.

Во второй половине XVII в. заработок заводских рабочих повышается. Из описания Тульского завода стольника А. Д. Фон-Визина от 1663 г. видно, что на этом заводе работали 300 дней в год и зарабатывали: обученные русские мастеровые по 40 коп. медью и по 30 коп., а необученные («молотом бьют вольные люди») — по 20 коп. медных за день. Причем из сопоставлений с прежними нормами видно, что 2 алтына серебром приравнивались в это время на заводе 4 алтынам медью. Значит в переводе на серебро эти заработки колебались от 10 до 20 коп. на день. Но сверх того те же работники получали натурой хлеб до 2 четвертей и соль от 20 ф. до 1 пуда в год².

По свидетельству Кильбургера (1674 г.) оплата труда на тогдашних тульских железоделательных заводах достигала таких размеров.

Молотовые мастера получали с пуда железа один алтын (3 коп.), работники—подмастерья—по 2 коп. и носильщики угля—чернорабочие — по полкопейке. При этом на одном горне можно было ежедневно вытянуть и отковать до 25 пуд. прутового железа. Отсюда получаем заработок мастера до 75 коп. в день, подмастерья — молотобойца—50 коп. и носильщика—12,5 коп. Но вероятно это предельные нормы заработка. Пажитнов предпочитает исходить из более умеренных норм выработки уральских заводов, где каждый мастер с подмастерьем обязывались выковывать в неделю «не менее 80 пудов

¹ И. Гамель. Там же, стр. 47.

² И. Гамель, стр. 40 и след.

железа», т. е. в среднем по 13,3 пуда в день¹. Это несомненно уже минимальная норма. Имеется известие, что Петр Великий в одно из своих посещений Тульского завода, в 1696 г., собственноручно выковал на пробу за день 18 пуд. железа и потребовал себе уплаты по норме молотового мастера, т. е. по 3 коп. с пуда². А ведь царь не был профессионалом в этом деле. Поэтому правильнее будет исходить из средней нормы выковки с горна между 13 и 25 пудами, считая за таковую пудов 19. Тогда дневной заработок мастера составит около 57 коп., подмастерья—38 коп. и чернорабочего—9,5 коп.

Из подробной описи наших тульских железоделательных заводов 1690 г. получаем следующие сведения. Доменные мастера получали от 100 до 150 руб. за год, другие мастера — от 35 до 70 руб., угльный подмастерье—40 руб. в год, доменный—15 коп. в день, другие «подмастерья» и «работники»—по 25 руб. в год, или по 8—10 коп. в день, а сдельно молотовые мастера, как и в 1674 г., получали по 3 коп. и подмастерья — по 2 копейки с пуда выкованного железа. Ставку ниже 8 коп. в день получали повидимому, лишь подростки до 17 лет и дети³. Кроме того вероятно кое-что следует к этому еще прибавить за счет натуральных доплат хлебом и солью.

Конечно заводских «мастеров» XVII в. за исключением разве доменного мастера, а тем более подмастерьев, следует относить к рядовым рабочим, а не к административно-техническому персоналу, как это можно было думать, исходя из современной нам практики. Тогдашние «мастера» сами ковали молотом, а «подмастерья» выполняли роль молотобойцев и прочих подручных. Учитывая это при выводе средней нормы оплаты труда заводского рабочего по 3 описанным Фон-Визиным заводам, мы определили ее для второй половины XVII в. в среднем для всех рабочих, включая сюда и подростков, в 10—12 коп. за день, или в 25—30 руб. в год.

**

Номинальный уровень оплаты труда в XVII веке определяется с достаточной точностью. Но рубль XVII века как мерило валютного значения этого уровня весьма далек от того рубля, какой нам столь хорошо известен из опыта XX века. В сущности реального рубля XVII век вовсе не знал. Ходячей монетой в этом веке была лишь денга. А рубль вплоть до XVIII в. был только счетной единицей в 200 денег московских, или в 100 новгородок, известных также под именем «копейных» денег. Однако эволюция серебряного рубля в России гораздо лучше изучена, чем история домонгольской киевской гривны. И мы можем все основные моменты этой эволюции выразить в одной сжатой табличке.

¹ Б. Г. Курц. Сочинение Кильбургера о русской торговле. Киев, 1915 г., стр. 169 и К. Пажитнов, стр. 110.

² Гамель, стр. 24.

³ В. Ю. Гессен. Труд детей и подростков в России, т. I, 1927 г., стр. 168 и след.

Табл. 2

Эволюция серебряного рубля в России

Г о д ы	Стопа:			Проба	Территория
	число единиц из 1 ф. лигатурного веса				
	рублей	гривен	денег		
1316	1,00	—	—	—	Тверское кн.
1385—1425	2,00	30,8	432	—	Московск. "
1420	2,00	30,8	432	—	Новгород
1425	(2,7)	?	(540)	—	Москва
1447—1535	2,78	42,8	600	—	Новгород
1451	(4,20)	(42)	(840)	около 900	Москва
1462—1533	5,20	52	1040	—	"
1535—1612	6,00	60	1200	92,5	"
1613	8,0	80	1600	(85)	Россия
1656—1680	8,64	86,4	1728	(85)	"
1682—1698	10,08	100,8	2016	(85)	"
1699—1711	14,40	144	2880	(82)	"
1711—1730	14,40	144	2880	70	"
1731—1763	15,84	158,4	—	77	"
1764—1796	17,06	170,6	—	72	"
1797—1914	19,74	197,4	—	83,3	"

Как видно из этой таблички, составленной главным образом на основе известного исследования И. И. Кауфмана, и наш рубль, как и древняя гривна, пережил довольно длинную и скорбную историю. Из века в век, из царствования в царствование он, оставаясь все тем же по имени и по числу составляющих его денег, становился реально все более тощим и легковесным. И если древняя гривна кун с X до XV века, за пять столетий, уменьшилась только в 10 раз, то рубль примерно за такой же период своей истории успел сократиться по содержанию в нем чистого серебра по меньшей мере раз в двадцать.

Систематическая порча монеты была и у нас, как и на Западе, одним из наиболее неотразимых соблазнов для властителей всех стран и эпох. Цари всех времен и народов тем более беспощадно преследовали у себя мелких фальшивомонетчиков, что считали это дело своей наиболее священной и прибыльной царственной привилегией.

В нашу задачу, однако, не входит углубляться в экономические причины столь существенной порчи монеты. Мы должны были отметить здесь только самый факт этой порчи, чтобы надлежащим образом учесть его при переходе от номинального к реальному уровню зарплаты XVII века. Но и порча монеты и все другие моменты, определяющие этот уровень, отражаются прежде всего в товарных ценах, а потому и нам надлежит прежде всего обратиться к сопоставлению товарных цен XVII и XX веков.

В отношении цен на хлеб в зерне за XVII в. мы можем отметить огромный диапазон колебаний от 10 коп. до 9 руб. за четверть. Но если отбросить сверхголодные цены смутного времени, войн, осадных лет и т. п. чрезвычайных обстоятельств, а также не считаться с чрезвычайно дешевыми ценами таких провинциальных хлебных районов как

Казанский и Нижегородский, где рожь даже к концу XVII в. продавалась по 25 коп. за четверть, то нормальными ценами для первой его половины (1620—1631 гг.) можно считать от 25 до 39, в среднем 32 коп., а для второй (1674 г.) — 65 коп. за четверть¹. За 1913 г., считая на четверть 8,7 пуда, мы должны московскую цену четверти ржи определить в 7 р. 50 к.² Таким образом индекс вздорожания ржи к XX в. с первой половины XVII в. достигает 23,5, а второй—11,5. Ключевский в начале 80-х годов XIX в. определял этот индекс по всем хлебам и районам для первой половины века в 12—14, для второй—в 17³.

Для определения уровня жизни рабочего гораздо более показательными однако будут цены на муку, мясо и прочие предметы первой необходимости. Исходя из структуры потребления, зафиксированной в современном бюджетном наборе, и пользуясь ценами всех продуктов, имевших значение в рабочем бюджете уже в XVII столетии, мы получили следующее сопоставление (см. табл. 3).

За XVII век до нас дошел довольно обильный материал по ценам. Но это относительное обилие по сравнению с более древней эпохой не следует преувеличивать. Лишь в редких случаях вошедшие в приведенную таблицу расценки опираются на довольно значительное число сравнимых показаний за ряд лет. Гораздо чаще приходится опираться на два-три показания за целое столетие. Особенно много цен дают такие первоисточники как «Торговая книга» (до 1610 г.), «Приходо-расходные книги казенного приказа» (1613/14 г.), «Расходные книги поместного приказа» (1626—1659 гг.), «Расходная книга Никона» (1651/52 г.), «Донесения де-Родеса» (1650—1655 гг.) и известное сочинение Кильбургера о русской торговле (1674 г.). За остальные годы мы располагаем гораздо более скудными и по общему правилу весьма случайными данными различных исторических и юридических актов XVII в. или вообще не располагаем ничем.

Большая часть собранных нами в результате весьма кропотливой работы по памятникам XVII в. цен относится к московскому рынку. А потому и за 1913 г. во всех соответствующих случаях мы пользовались столичными ценами⁴. Провинциальные цены XVII в. сопоставлялись по возможности с аналогичными провинциальными ценами 1913 г. Тем не менее полноты сравнимости сопоставляемых данных мы конечно не могли достигнуть. В отдельных случаях мы вынуждены

¹ В. Ключевский. Русский рубль XVI—XVIII вв., М., 1884 г., стр. 52 и 54 и Б. Г. Курц. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича, Киев, 1915 г., стр. 177.

² «Ежемесячный статистический бюллетень по г. Москве», №№ 1—12, 1913 г.

³ В. Ключевский. Назв. соч., стр. 51, 55 и 61. Низкий индекс для первой половины XVII в. Ключевский получил путем удвоения фактических цен того времени, исходя из ошибочного мнения, что четверть тех лет вплоть до 50-х годов XVII в. составляла все еще 4 меры, а не 8; на самом деле удвоение четверти произошло гораздо раньше, до 1701 г.

⁴ Для 1913 г. мы пользовались помимо «Свода товарных цен» и других спец. статистических изданий («Справочник цен довоенного времени», ВСНХ, вып. I и II. М., 1922 г.; «Средние общероссийские цены 1912 г.», ЦСУ, М., 1924 г.; «Ежемесячный статистический бюллетень по г. Москве» за 1913 и 1914 гг.) и неопубликованными розничными ценами бюджетного индекса Статистики труда за 1913 г.

Уровень дороговизны в XVII веке

Табл. 3

Бюджетный набор	Единица счета	Норма потребления	Цены за 1 единицу			Стоимость набора (годовая норма)			Индекс вздорожания	
			1600—49 гг.	1650—99 гг.	1913 г.	в 1600—49 гг.	в 1650—99 гг.	в 1913 г.	с 1600—49 г.	с 1650—99 г.
			в руб. и коп.	в руб. и коп.	в руб. и коп.	в копейках	в копейках	в копейках	гр. 9, гр. 7	гр. 9, гр. 6
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
А. Продукты питания										
1. Мука ржаная . . .	пуды	10	5,0	10,6	1,20	50,0	106,0	12,00	24,0	11,3
2. Хлеб черный . . .	"	2	5,8	10,7	1,05	11,6	21,4	2,10	18,1	9,8
3. Мука пшеничная . . .	"	4	10,0	14,0	2,40	40,0	56,0	9,60	24,0	17,5
4. Хлеб белый . . .	"	2	12,0	16,4	2,35	24,0	32,8	4,70	19,6	14,3
5. Крупа гречневая . . .	"	2	12,0	14,0	1,84	24,0	28,0	3,68	15,3	13,1
Итого по 1—5 . . .	"	20	—	—	—	149,6	244,2	32,08	21,4	13,1
6. Капуста свежая . . .	пуды	2,5	0,8	1,1	0,36	2,0	2,7	0,90	45,0	33,3
7. Огурцы	сотня	1,2	1,8	2,3	0,75	2,4	2,8	0,90	40,9	32,7
8. Лук репчатый	пуды	0,5	6,7	11,3	1,52	3,3	5,7	0,76	23,0	13,3
Итого по 6—8 . . .	—	—	—	—	—	7,5	11,2	2,56	34,1	22,9
9. Говядина (2-го сорта)	пуды	1,5	22,4	28,0	7,40	33,6	42,0	11,10	33,0	26,4
10. Баранина	"	1,0	20,0	30,0	6,40	20,0	30,0	6,40	32,0	21,3
Итого	"	2,5	—	—	—	53,6	72,0	17,50	32,6	24,3
11. Масло коровье . . .	"	0,3	74,0	100,0	17,80	22,2	03,0	5,34	24,1	17,8
12. Молоко цельное . . .	ведро	3,3	5,5	8,0	1,50	18,2	26,4	4,95	27,2	18,7
13. Яйца	сотня	1,0	11,0	16,0	3,00	11,0	16,0	3,00	27,3	18,7
14. Рыба (сельдь сол.) . .	пуды	0,9	9,9	15,4	4,00	8,9	13,9	3,60	40,4	25,9
15. Масло растит.	"	0,4	71,0	123,0	5,48	28,4	49,2	2,19	7,7	4,5
16. Мед—сахар	"	0,6	65,0	91,0	5,84	39,0	54,6	3,50	9,0	6,4
17. Соль	"	0,5	20,0	20,0	0,30	10,0	10,0	0,15	1,5	1,5
Итого прод. пит.	—	—	—	—	—	348,4	527,5	74,87	21,5	14,2
Б. Предметы одежды										
18. Крашенина—ситец . .	арш.	24	3,0	3,0	0,15	72,0	72,0	3,60	5,0	5,0
19. Холст—полотно . . .	"	7	2,0	2,5	0,14	14,0	17,5	0,98	7,0	5,6
20. Сукно русское	"	2	5,0	5,0	1,60	10,0	11,0	3,20	32,0	29,1
21. Сапоги простые . . .	пара	0,8	17,0	24,0	5,44	13,6	19,2	4,35	32,0	22,7
22. Овчина деланая . . .	штука	1	9,0	12,4	1,78	9,0	12,4	1,78	19,8	14,4
Итого по 18—22 . . .	—	—	—	—	—	118,6	132,1	13,91	11,7	10,5
В. Жилище и пр.										
23. Дрова	воз	3	8,4	9,4	3,74	25,2	28,2	11,22	44,5	39,8
24. Топор	штука	1	20,0	20,0	0,90	20,0	20,0	0,90	4,5	4,5
25. Жилище	кв. с.	1,2	11,7	12,3	9,10	14,0	14,0	10,92	78,0	73,8
Итого по 23—25 . . .	—	—	—	—	—	59,2	63,0	23,04	38,9	36,6
Всего по набору в руб. и коп.	—	—	—	—	—	526,2	722,6	111,82	21,2	15,5
То же в фунтах:	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
а) серебра	фунт	—	6,40	8,40	15,00	0,822	0,810	7,45	9,06	8,66
б) золота	"	—	64,00	84,00	525,00	0,082	0,082	0,23	2,60	2,48

были пользоваться и довольно искусственными приемами исчисления недостающих данных. Например цены баранины XVII в. определялись у нас по индексу цен живых баранов, цены рыбы (соленая сельдь по

1913 г.) мы исчислили для XVII в. по индексу вздорожания трески и семги, квартирная плата XVII в. определена, исходя из индекса вздорожания строительства.

В случае с рыбой мы предпочли индексный расчет даже при наличии определенной цены на интересующую нас по бытовым условиям XX в. сельдку. Имеется известие, что митрополит Никон купил в 1651 г. в Валдае 3.600 сельдей за 1 р. 8 к., а по донесениям де-Родеса тонна (бочка) сельдей на московском рынке в 1652 г. стоила 4 р. 15 к.¹ Оптовые цены 1913/14 г. на сельдь по «Своду товарных цен» стояли за 1.000 штук не ниже 40 руб. (Царицын), а за бочку (около 9 пуд.)—не выше 40 рублей. Таким образом цена сельдей за 1.000 штук выросла по этим данным в 133 раза, а за бочку—только раз в 10. Сведения явно противоречивые. Но вес тонны де-Родеса, как и размер штуки Валдайской сельди, нам неизвестен. И потому мы предпочли исходить из индекса цен для тех видов рыбы, какие расценивались на вес.

В отношении квартирной платы нам известно, что громадное большинство ремесленников XVII века жило в собственных избах и лишь около 1/7 из них жило в наемных избах или даже в качестве угловых жильцов. По одной сохранившейся московской записи конца XVII в. портной-мастер Соколов снимал в доме старицы Ульяны квартиру—подклеть с сеньми—с платой по полугодиям и общей суммой годовой (?) аренды 48 алтын 4 деньги, т. е. 1 р. 46 к.² По московской переписи 1912 г. годовая плата за самую маленькую квартиру в 1 комнату составляла в среднем по всему городу с пригородами, без отопления, 170 руб., т. е. в 116 раз дороже приведенной записи XVII в. Столь высокий индекс при одном только показании было бы рискованно принять за доказанный, и мы обратились к ценам строительства.

Стоимость рядового городского двора XVII века от 3 до 5 руб. зафиксирована в ряде источников. Между прочим такие суммы «на дворовое строение» выдавались кузнецам, стрельцам и пушкарям при посылке их на службу в окраинные города. В некоторых случаях городские дворы оцениваются всего в 2 рубля, одна ветхая изба с кирпичной печью (а «в той избе ночуют работники») оценена еще ниже—всего в 90 коп., другая «избенка»—в 87 коп., но, с другой стороны, падаются и более дорогие дворы—в 5 р. 50 к. и даже в 9 р. 30 к.³ В общем мы приняли для первой половины XVII века за нормальную

¹ «Расходная книга митрополита Никона 1651/52 г.», «Временник московского общества истории», кн. 13, М., 1852 г., стр. 2 и Б. Г. Курц. Состояние России в 1650—1655 гг. по донесениям Родеса. М., 1914 г., стр. 120.

² М. В. Довнар-Запольский. Торговля и промышленность Москвы XVI-XVII вв., М., 1910 г., стр. 79.

³ «Акты юридического быта», т. II: «Купчие на дома и дворовые места 1612 и 1613 гг. (в Новгород)», стр. 386, 388, 390 и т. III: «Ценовая книга Владимирского кружевного двора 1672 г.», стр. 463—465; Миклашевский. К истории хозяйственного быта московского государства, М., 1894 г. (данные 1640 г.), стр. 149; Забелин. Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве 1658/59 г.; «Вестник Европы», 1871 г., кн. 1 и 2; «Записная книга 1670 г.», «Временник московского общества истории», М., 1850 г., кн. 6, стр. 11.

расценку 4 р. 50 к., для второй—4 р. 70 к. за двор. Дворы эти небольшие конечно, но даже более мелкие из них, например новгородский «дворишко» ценою в 2 рубля (1612 г.) включал: «горницу, сени, подсенье, повалушку, сеницу, баню, избушечку-ветчану, ворота, гордьюбу, да в огороде печь». Закljučаем отсюда, что они не меньше современных крестьянских дворов начала XX века ценою в среднем около 350 руб. с учетом износа. Отсюда получаем индекс вздорожания жилищ за исследуемый период.

Все такого рода расчеты, взятые в отдельности, несомненно далеки от точности, но тотальный индекс дороговизны жизни, полученный по всем 25 статьям, конечно гораздо точнее и достовернее, чем это возможно было бы сделать по хлебным ценам или какому-либо иному товару.

В виду изменения веса рубля большой интерес представляет выражение стоимости бюджетного набора не в номинальной денежной единице, а весом денежного металла, т. е. в фунтах чистого серебра или золота. Но и здесь правильное будет исходить не из веса серебряного рубля в разное время, а из рыночной расценки серебра в слитках. Дело в том, что при отсутствии свободной чеканки денег цена серебра, выраженная в серебряном рубле, далеко не всегда в точности соответствует весу этой денежной единицы.

«Торговая книга» (1575—1610 гг.) дает в этом отношении такое указание: «А чистое серебро себе гривну считай и емли без двугривен за 3 рубля; а те 2 гривны на угар и на всякую протарь клади и от денежного дела давати»¹. Из фунта лигатурного серебра тогда чеканили 6 рублей денег, из гривенки в 48 золотников—3 рубля, а платили за $\frac{1}{2}$ фунта чистого серебра в слитках, как видно из «Торговой книги» только 2 р. 70 к., т. е. 90% соответствующего веса в деньгах. Близкое к этому соотношение между ценой серебра в деньгах и в слитках можно отметить и значительно позже. После 1613 г. фунт серебра в деньгах повысился до 8 рублей, а в слитках—до 7 р. 20 к. (90%)². С 1699 до 1711 г. фунт серебра в деньгах стоил уже 14 р. 40 к., а в слитках—13 рублей, т. е. опять-таки ровно 90% цены фунта денег³. А вот в 1913 г. мы имеем уже другое соотношение: из фунта серебра 83,3⁰ чеканят 19 р. 74 к. полноценной монеты, а фунт чистого серебра в слитках стоил только 15 руб., т. е. едва 76% названной суммы⁴. Это объясняется конечно тем, что с введением в России золотой валюты покупательное значение серебряного рубля определяется не его собственным товарным содержанием, а ценою товара-золота и уста-

¹ «Торговая книга», ред. Сахарова, СПб., 1851 г., стр. 14.

² В 1643 г.: «Ковш серебрян бел, весу 3 гривенки, по 2 алт. по 3 деньги золотник, от дела 20 алтын». «Материалы для истории иконописи», «Временник», М., 1850 г., кн. 7, стр. 10. Ср. еще такие же расценки в «Расходных книгах и столпах поместных приказов» (1626—1652 гг.). М., 1910 г., стр. 13, 16, 23, 29, 38.

³ Кауфман. Серебряный рубль, стр. 135.

⁴ «Средние общероссийские цены». ЦСУ, М., 1924 г., стр. 7, 12—золото 525 руб., а серебро-прокат 15 руб за 1 фунт.

новленным в законе соотношением между серебром и золотом в монетной системе. Но так или иначе при переводе стоимости бюджетного набора на серебро мы должны исходить из рыночного значения этого товара.

Как видим из нашей таблицы, стоимость бюджетного набора, выраженная в серебре, выросла за триста лет раз в девять, а в золоте—только в 2-3 раза¹. Это значит, что серебро за это время сильно дешевет в отношении других товаров. Но это наблюдение можно отнести не только к серебру, а и ко всем другим продуктам промышленного производства. Сельскохозяйственные товары наоборот показывают наибольшее вздорожание по сравнению со всеми другими. Конечно объяснение этому факту следует искать в различных темпах роста производительности труда в разных областях хозяйства.

Общий рост производительных сил страны за капиталистический период ее развития, судя по приведенным сдвигам цен, в различных производствах был немалый. Сколько-нибудь точное определение масштабов этого роста представляет слишком сложную задачу, для разрешения которой мы еще не располагаем достаточными данными. Но некоторое представление об этом можно получить уже из сопоставления ценовых сдвигов, выявленных в таблице. Если допустить, что в какой-либо наиболее отсталой области хозяйства, например в разведении мясного скота, за последние 300 лет не было никакого прогресса, что конечно неверно, то в других областях труда пришлось бы все же, исходя из относительного удешевления цен, исчислять достигнутое повышение уровня производительных сил в 5-6 и более раз. Особенно велики эти сдвиги в области промышленной продукции, наиболее полно охваченной за это время процессом капиталистического развития России. Как же однако отразился этот прогресс на уровне жизни пролетариата, мозолистыми руками которого он осуществлялся?

Теперь мы уже подошли вплотную к разрешению этой проблемы. Мы уже видели выше, чему равнялся номинальный уровень зарплаты на заре капитализма в России. Теперь, зная индексы вздорожания стоимости жизни рабочего, мы можем определить и реальный уровень жизни индустриального рабочего на заре и закате капиталистического развития дореволюционной России. Вот несколько достаточно показательных в этом отношении цифр.

Годовой заработок русского фабрично-заводского пролетария, включая сюда и горнорабочих, в 1913 г. достигал по имеющимся официальным данным около 293 рублей, в том числе у текстилей он падал

¹ Золото к началу XVII в. расценивалось в Москве по «Торговой книге» (стр. 14) в 10 раз дороже серебра, в XVIII в. оно расценивается уже в 12,9 раза дороже (Кауфман. Серебряный рубль, стр. 135, 147; цены 1711 и 1723 гг.). Но мы условно за весь XVII в. принимаем соотношение «Торговой книги».

до 215 руб. (по обработке хлопка), а у горнорабочих возрос до 408 руб. за год. Сопоставляя эти цифры с данными XVII века, получаем:

Уровень жизни рабочих в России в рублях за год

	Номинал зарплаты	Значение рубля	Реальный уровень в руб.	в %
В XVII веке:				
1-я половина от	18,0	21,2	382	130
до	21,6	21,2	458	156
в среднем	19,8	21,2	420	143
2-я половина от	25	15,5	375	128
до	30	15,5	465	158
в среднем	27,5	15,5	420	143
В 1913 г.:				
текстилей	215	1,0	215	73
горняков	408	1,0	408	140
всех	293	1,0	293	100

Несмотря на всю приблизительность использованных расчетов, мы видим, что за целые 300 лет развития капитализма под сению дома Романовых никакого прогресса в уровне жизни русского рабочего отметить невозможно. Правда отмеченное снижение среднего уровня зарплаты к 1913 г. в значительной мере объясняется вовлечением в XX веке на работу огромных кадров наиболее «дешевого» женского и детского труда. Но даже если брать такие отряды современного пролетариата как горняки и металлисты, где и ныне занят почти исключительно полноценный мужской труд, то и здесь мы лишь приближаемся к тем нормам оплаты труда, которые были обычными уже в начале XVII века.

3. Некоторые выводы

Приведенные нами факты из истории капиталистической России не лишены и теоретического интереса. Конечно можно признать эти факты сами по себе слишком недостаточными для широких теоретических обобщений. Можно к тому же ограничить их значение целым рядом оговорок. Так например уровень реальной оплаты труда, о котором до сих пор шла у нас речь, еще не определяет полностью реального уровня жизни рабочих, которым мы особенно здесь интересовались. Примененные нами индексы для соизмеримости уровней дореговизны различных эпох весьма несовершенны. Мы вовсе не отразили в них действия изменяющейся структуры рабочего бюджета и нарастания новых потребностей. Мы сознательно ограничили поле своих наблюдений оплатой вольнонаемного труда, хотя в XVII веке можно было наблюдать и целый ряд промежуточных полуфеодалных форм найма с пониженным уровнем жизни вроде оплаты рабочих на т. н. будных станах — из числа «приписанных» к поташным заводам казенных или помещичьих крестьян. Мы не проследили динамики зарплаты из века в век, из десятилетия в десятилетие, а потому не отразили может быть весьма существенного падения оплаты труда

XVIII и первой половины XIX вв. и соответствующего под'ема ее после ликвидации крепостного права. Все эти оговорки не меняют однако сути дела.

Марксистская теория заработной платы, как цены рабочей силы, уровень которой определяется стоимостью ее воспроизводства, или, иначе говоря, стоимостью средств существования рабочих, находит на наш взгляд в вышеприведенных фактах достаточно красочное историческое подтверждение. На протяжении целых девяти столетий от Ярослава Мудрого до конца дней весьма немудрящего Николая, несмотря на катастрофическое обесценение денежной единицы и геологические сдвиги в производительности труда, наемный рабочий, следуя объективным законам товарного производства, отчуждал свой единственный товар — рабочую силу — примерно за одну и ту же массу средств существования в потребительном их выражении.

Из этой относительной стабильности уровня оплаты труда рабочего не следует однако заключать о такой же стационарности условий его существования. Наоборот огромный прогресс техники и науки меняет эти условия весьма радикальным образом. Каждое крупное изобретение, создавая новые возможности удовлетворения потребностей человека, вызывает в нем к жизни и новые потребности. Гутенбергу, Эдиссону, Маркони и прочим волшебникам мы обязаны целой серией наших новых потребностей — в книге, газете, авио, кино, радио и других столь же чудесных методах расширения и облегчения социальных связей человечества. Невозможное стало сначала только возможным, а затем уж и необходимым. Спящие потребности пробуждаются и властно пред'являют свои требования. И если рабочий не повышает своих фондов потребления в соответствии с нарастанием этих новых культурных потребностей, то он очевидно не может их удовлетворять иначе, как за счет соответствующего сжатия в удовлетворении своих старых, более примитивных потребностей. Таким образом совершенно понятно, что стабильная или даже медленно возрастающая сумма средств существования при обгоняющей ее в темпе роста сумме новых потребностей означает собою относительно падающий уровень жизни. А приведенные нами факты показывают, что капитализм не всегда обеспечивает рабочему даже стабильный уровень оплаты труда.

Факты подобного рода можно извлечь из прошлого не только одной дореволюционной России. В известном исследовании Т. Роджерса мы находим полную аналогию в истории Англии¹.

Реальная оплата труда, выраженная в квартарах пшеницы, в Англии не росла с развитием капитализма, а скорее довольно заметно падала. Роджерс дает динамику оплаты рядового поденщика-батрака и ремесленника, начиная с XIII века. Он устанавливает при этом, что в XIII—XV вв. ремесленник зарабатывал раза в 1,5 больше батрака при довольно умеренном рабочем дне и годе. Рабочий год ремеслен-

¹ Т. Роджерс. История труда и заработная плата в Англии с XIII по XIX век. СПб., 1899 г.

ника колебался от 235 до 312 дней при восьмичасовой работе, за лишние — сверхурочные — часы полагалась повышенная добавочная плата. Иногда работнику выплачивали, как и у нас в Москве, поденную плату и за праздничные дни, хотя он конечно не работал по воскресеньям. Так в 1408 г. в Виндзоре плотники при поденной плате в 5 и 6 пенсов за день получили эту плату за 365 дней в году (стр. 141 и 268). И конечно в денежном выражении благодаря жестокой порче монеты, которой промышляли английские короли не хуже царей московских, а также техническому прогрессу в области добычи драгоценных металлов, оплата труда в Англии с тех пор показывает огромные темпы роста. Что же касается реального ее значения, то судить о нем предоставляем по следующей составленной нами по данным Роджерса табличке (ср. у Роджерса, стр. 270, 353 и др.):

Табл. 4
Оплата рядового поденщика за неделю в Англии

В е к а	Номинал в шиллингах	Реальное значение				Цена пшеницы и зерне		
		в серебре		пшеницею		в шилл. за кварт.	на серебро	
		в г	в %	в кг	в %		в г за 100 кг	в %
1	2	3	4	5	6	7	8	9
XIII	1	18,7	100	33,8	100	5,9	53,4	100
XVI	3	13,5	72	32,5	96	18,4	45,3	88
XVII	5	28,3	153	22,1	65	45,0	124	233
XVIII	7	39,6	212	27,9	83	49,9	138	257
XIX ¹	10	59,6	302	25,5	75	78,5	215	400

Как видим, хотя номинал вырос в 10 раз, по весу чистого серебра, заключенного в монете, этот рост не превышает 3 раз, а в пшенице мы имеем даже заметное падение. Конечно желательно было бы проверить эту динамику и другими ценами. Промышленные товары несомненно вздорожали в меньшей степени, чем пшеница, но зато квартира росла еще быстрее, чем хлеб, в бюджете рабочего. К сожалению Роджерс не приводит на этот счет достаточных данных. Среднее вздорожание жизни с 1260 до 1760-х годов, т. е. за 500 лет, Роджерс определяет для Англии в 12 раз; тот же индекс он принимает и для времени с 1450 до 1883 г. — «если оставить в стороне квартирную плату, самую страшную статью расхода в наше и самую пустую в прошлое время», когда сельский рабочий платил за свой домик и землю при нем всего 2 шиллинга в год, зарабатывая 2 шиллинга в неделю².

Приведенным данным о зарплатке простого поденщика соответствует и динамика оплаты труда обученного ремесленника в Англии.

¹ Первая половина.

² Роджерс, стр. 135, 446-447: 2 шилл. XV в. содержали около 22 г серебра.

В XIII-XIV веках ремесленник получал около 3 пенсов в день, или 1,5 шилл. в неделю, в XV в. — 3 шилл., в XVI в. — 4—5 шилл., в XVII в. — 7,5 шилл., в XVIII в. — 10 шилл. и с XIX в. — 18 шилл. и выше. И все же реальное значение этого заработка не росло, а падало, ибо 3 шиллинга XV в. превышают по своему значению 36 шилл. XIX в.

В Англии капитализм начал свое победное шествие значительно раньше, чем в России. Роджерс уже в XV веке отмечает на ряду с чумой, черной оспой и страшной эпидемией этого века, известной под именем «потной болезни», еще одно «крупное событие: появились капиталисты-ремесленники» (стр. 277). Это крупнейшее событие знаменовало собой не только громадное ускорение темпов роста производительных сил страны, но на ряду с этим соответствующее им и даже обгоняющее эти темпы повышение норм эксплуатации труда. На место весьма редкостной «потной болезни» докапиталистической эры в хозяйственную практику вошло совершенно нормальное и систематическое выжимание трудового пота изо всех пор современного пролетария. Уже в XVI в. по известному закону Елизаветы на место 8-часового рабочего дня установлен 9,5-часовой (включая перерывы — 12-часовой), а затем капиталистическая практика раздвигает его еще дальше, вплоть до последних пределов сопротивляемости рабочего класса. Притягиваются к станкам архи-«дешевые» руки женщин и ручки детишек. Создаются этой ценою мощные резервы рабочей силы — целые армии безработных. И если при особо выгодной конъюнктуре нехватает даже этих резервов, то временно за счет эксплуатации каких-нибудь новых колониальных рынков оплата труда поднимается, чтобы затем, когда эти рынки расхватываются конкурентами, еще резче снизить нормы оплаты работающих, еще более расширить кадры безработных.

Старая, знакомая картина. Но благодаря хроническому снижению покупательной силы денежной единицы не только у врагов, но даже у более близоруких друзей пролетариата создаются иллюзии почти непрерывного роста зарплаты и благосостояния трудящихся в странах процветающего капитализма.

Ту же картину, какую перед нами раскрывает работа Роджерса в отношении Англии, мы можем благодаря кропотливой архивной работе Д'Авенеля, собравшего огромный материал о ценах и зарплате с 1200 по 1800 г., воспроизвести и в отношении Франции.

Д'Авенель перевел все цены и ставки зарплаты по их покупательной силе в современные франки начала XX века. И в этих единицах в отношении поденной оплаты труда ремесленников мы получаем следующую динамику:

Реальная поденная плата во Франции

XIII век	3,8 франка	100%
XIV	3,8	100%
XV	4,6	121%
XVI	3,5	92%
XVII	2,6	68%
XVIII	2,5	66%

Ко времени Великой французской революции эта плата была еще ниже: 2,2 франка, а к XX веку она по свидетельству П. Бризона снова повысилась до 3,55 в крупной и 3,28 в мелкой промышленности¹.

Период падения, начиная с XV в., можно иллюстрировать еще следующими товарными эквивалентами по Авенелю:

Поденная плата чернорабочего во Франции Табл. 5

Периоды	в кг		в л		вина в л	в среднем в год
	пшеницы	ржи	говядины	свиныны		
1451—1500	16,45	22,5	3,75	2,63	6,0	100
1501—1550	12,30	17,75	2,70	1,64	5,7	76
1551—1600	5,07	6,65	2,17	1,20	5,1	50
1601—1650	3,55	6,55	1,85	1,48	3,9	44
1651—1700	5,45	9,20	1,80	1,69	6,0	57
1701—1725	4,50	7,70	1,62	1,57	3,0	40

Как видим, по основным продовольственным товарам заработная плата снизилась с XV века еще значительно, чем это принято выше. В среднем по пяти перечисленным товарам реальное значение поденной платы чернорабочего в эпоху первоначального капиталистического накопления почти все время падало и к XVIII веку не достигало и 40% нормы XV в. Особенно высокий уровень дороговизны жизни во Франции отмечается историками к концу XVIII века, то есть к моменту Великой французской революции. Гражданская война и инфляция, как это показал и опыт нашей революции, не могли не оказать самого тяжелого влияния на уровень жизни трудящихся масс. В эти годы он упал очевидно до самых крайних своих пределов, и уже поэтому должен был раньше или позже в последующий период бурного капиталистического развития и высокой конъюнктуры заметно подняться.

В цифровых показателях этот подъем за целую сотню лет рисуется в следующих процентах:

Годы	Номин. плата	Индекс дороговизны	Реальная плата
1810	100	100	100
1820	105	108	97
1830	110	113	97
1840	117	114	103
1850	125	116	108
1860	146	129	112
1870	171	139	123
1880	200	149	134
1890	225	139	162
1900	244	135	180
1910	268	141	190

¹ Пьер Бризон. История труда и трудящихся, ПБГ, 1921 г., стр. 164.

Если положиться на приведенный расчет, основанный на довольно сомнительном индексе Л. Марша, то сколько-нибудь значительный подъем реальной заработной платы во Франции имел место только начиная с 60-х годов прошлого века¹. Но и этот большой подъем не ликвидировал полностью прежних падений, начиная с XV века. А за последние десятилетия мы можем привести следующее свидетельство П. Бризона: «вот уже целую четверть столетия как повышение заработной платы почти приостановилось... в настоящее время она уменьшается, в особенности в текстильной промышленности», и притом «понижается уже лет двадцать»².

В «Коммунистическом манифесте» зафиксировано между прочим следующее наблюдение: «современный рабочий вместо того, чтобы возвышаться с прогрессом промышленности, все более опускается ниже уровня существования своего собственного класса». Этот тезис, выдвинутый Марксом и Энгельсом еще до революции 1848 г., открывшей собою новый подъем европейского капитализма, эру широкой его экспансии на колониальных и полуколониальных рынках и значительного подъема оплаты труда, выявляет однако такие глубокие исторические тенденции, которые далеко выходят за пределы случайных колебаний конъюнктуры рабочего рынка на протяжении нескольких десятилетий.

Фридрих Энгельс в 90-х годах прошлого века, критикуя в проекте Эрфуртской программы положение — «число пролетариев и их нищета постоянно увеличиваются», как известно утверждал: «В этой абсолютной форме это положение неверно. Организация рабочих и их постоянно растущее сопротивление могут в известной мере предохранить их от дальнейшего роста нищеты. Но что несомненно растет, так это необеспеченность их существования». Революционеры всех мастей очень охотно приводят это место из Энгельса в доказательство его отказа от вышеуказанного тезиса «теории обнищания», выдвинутой им вместе с К. Марксом в «Коммунистическом манифесте». Однако такое толкование слов Энгельса совершенно произвольно. Он отвергал здесь лишь слишком абсолютную форму утверждения в проекте Эрфуртской программы, а не его содержание.

И действительно утверждать «постоянное» увеличение нищеты пролетариата, как показывает исторический опыт, нет основания. Уровень жизни рабочих подвержен не только кратковременным колебаниям рыночной конъюнктуры, но и более длительным сдвигам в ту и другую сторону. Но если отвлечься от этих временных сдвигов и колебаний уровня жизни рабочих, то за весь период капиталистического развития этот уровень обнаруживает весьма недвусмысленную тенденцию к падению, и организации рабочих своим сопротивле-

¹ С. Н. Прокопович. Народный доход западно-европейских стран, М.—Л., 1930 г., стр. 175.

² П. Бризон. История труда. ПБГ, 1921 г., стр. 344, 349.

нием в лучшем случае лишь замедляют этот процесс, предохраняя себя на время от дальнейшего роста нищеты.

Здесь вполне естественно будет поставить такой вопрос: В какой мере вышеуказанные колебания и перекрывающая их общая тенденция к падению уровня жизни наемных рабочих в капиталистическом обществе гармонируют с тем основным определением К. Маркса, по которому «стоимость рабочей силы есть стоимость средств существования, необходимых для поддержания жизни ее владельца?»¹ Не следует ли рассматривать эту величину средств существования рабочего если не в ценностном, то в потребительном их значении как величину постоянную или во всяком случае физиологически предельную, т. е. не поддающуюся дальнейшим снижениям?

В таком именно значении твердого предела чаще всего истолковываются не всегда удачные формулировки «железного закона» заработной платы Ф. Лассалья. Но Маркс никогда не давал повода к подобным недоразумениям. Включая в понятие средств существования рабочих и стоимость содержания их семей, и «издержки обучения», и «издержки снашивания» рабочей силы, меняющиеся весьма существенно в зависимости от изменения условий производства, уровня техники, уровня культуры и др. обстоятельств времени, Маркс никогда не предполагал и не мог предполагать уровня жизни рабочих неподвижным². По его определению «размер так называемых необходимых потребностей, равно как и способы их удовлетворения, сами представляют продукт истории и зависят по большей части от культурного уровня страны, между прочим и от того, при каких условиях, а следовательно с какими привычками и жизненными притязаниями сформировался класс свободных рабочих»³.

Еще в меньшей мере можно приписать Марксу отождествление нормальных средств существования, «необходимых для поддержания жизни» рабочих с физиологическим минимумом этих средств. «Низшую или минимальную границу стоимости рабочей силы — говорит Маркс — образует стоимость товарной массы, без ежедневного притока которой носитель рабочей силы, человек, не был бы в состоянии возобновлять свой жизненный процесс, т. е. стоимость физиологически необходимых средств существования. Если цена рабочей силы падает до этого минимума, то она падает ниже стоимости, так как при таких условиях рабочая сила может поддерживаться и проявляться лишь в хиреющем виде. Между тем стоимость товара определяется тем рабочим временем, которое требуется для производства товара нормальной доброты»⁴. Таким образом нормальный уровень жизни, соответствующий ценности рабо-

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, изд. 1923 г., стр. 141.

² Там же, стр. 142, 238.

³ Там же, стр. 141 (разрядка наша.—С. С.).

⁴ Там же, стр. 143 (разрядка наша.—С. С.).

чей силы, всегда выше физиологического минимума. А заработная плата, т. е. цена рабочей силы, колеблясь вокруг уровня ценности, может достигать в своем падении и этого физиологического предела. Но конечно цена рабочей силы может подняться и выше ценности. Причем эти отклонения цены от ценности обычно определяются соотношением сил борющихся общественных классов, или, говоря словами Маркса, зависят «от удельного веса, который имеет давление капитала, с одной стороны, сопротивление рабочих—с другой»¹.

Не трудно понять, что даже растущий уровень оплаты труда не всегда обеспечивает рабочего от роста его неудовлетворенности. Заработная плата в условиях растущей производительной силы труда может расти не только в денежной, но и в товарной форме. Но если доля ее в общей стоимости создаваемого рабочим продукта при этом падает, то мы уже в этом имеем достаточные основания для нарастания глубокой неудовлетворенности рабочего, ибо, говоря словами Маркса, «при этом относительно, т. е. по сравнению с прибавочной стоимостью, стоимость рабочей силы все уменьшалась бы и следовательно все глубже становилась бы пропасть между жизненными уровнями рабочего и капиталиста»². Однако этот случай в капиталистической практике по видимому далеко не самый частый. Гораздо чаще и глубже цена рабочей силы в капиталистическом обществе отклоняется не вверх, а вниз от нормальной стоимости этого товара. И вот почему. Во-первых, этому содействует нарастание новых потребностей, которые не входят в привычный уровень жизни рабочего вчерашнего дня и потому требуют дополнительных усилий пролетариата в классовой борьбе за их признание. А во-вторых, соотношение сил в этой борьбе — до тех пор, пока капиталисты являются господствующим классом — очевидно по общему правилу складывается не в пользу рабочих.

Именно поэтому даже при устойчивом уровне ценности рабочей силы цена этого товара, а вместе с ней и уровень жизни рабочего в условиях капитализма, в особенности за большие периоды наблюдения, выявляют определенную тенденцию к снижению. И вот почему совсем не случайной обмолвкой в «Коммунистическом манифесте» являются приведенные выше слова о падении уровня жизни современного рабочего. Кстати сказать, эту мысль мы находим не только в «Коммунистическом манифесте», но и в гораздо более позднем и зрелом произведении Карла Маркса «Капитале», где, устанавливая исторические тенденции зреющего капитализма к концентрации производства и централизации капиталов, он заключает: «На ряду с постоянным уменьшением числа магнатов капитала, кото-

¹ Там же, стр. 503; Туган-Барановский, Солнцев и др. сторонники т. н. социальной теории распределения упускают из виду однако, что этим соотношением классовых сил можно объяснить лишь те или иные отклонения от уровня стоимости рабочей силы, но не самый уровень.

² Там же, стр. 503.

рые узурпируют и монополизируют все выгоды этого процесса переворота, растет масса нищеты, гнета, порабощения, вырождения и эксплуатации, но вместе с тем растет и возмущение рабочего класса, непрерывно увеличивающегося, вышколенного, объединенного и организованного самим механизмом капиталистического производства... Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют»¹.

Ревизионисты марксизма, оспаривая в свое время т. н. «теорию обнищания», сформулированную в подчеркнутых нами недвусмысленных выражениях Маркса, пытались тем самым ослабить и вытекающий из нее вещей прогноз социального переворота («Zusammenbruchstheorie»). Но в настоящее время, после великой Октябрьской революции в России, надо думать, даже в среде самых завзятых апологетов капитализма, немногие осмелятся оспаривать глубину этого гениального прогноза, ныне осуществленного уже на целой шестой части земного шара.

---

¹ Там же, т. I, стр. 756 (разрядка наша.—С. С.).